

Изъ залы Суда

(Ставропольскій Окружный Судъ и Тифлисская Судебная Палата).

И 426
665

Д Ъ Л О

ДВОРЯНЪ БЕЗМЪНОВЫХЪ.

Выписки изъ газ. «Приазовскій Край» за 1900 г. №№ 157 (16 июня);
158 (17 июня); 160 (19 июня); 162 (21 июня); 167 (26 июня) и
171 (30 июня), и изъ «Тифлискаго Листка»: за 1901 г.
№№ 55 (8 марта); 56 (9 марта); 57 (10 марта);
59 (13 марта) и 60 (14 марта).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арнольда, Литейный проспектъ, № 59.
1901.

Изъ залы Суда

(Ставропольскій Окружный Судъ и Тифлисская Судебная Палата).

И $\frac{426}{665}$

ДѢЛО

ДВОРЯНЪ БЕЗМѢНОВЫХЪ.

Выписки изъ газ. «Приазовскій Край» за 1900 г. №№. 157 (16 июня);
158 (17 июня); 160 (19 июня); 162 (21 июня); 167 (26 июня) и
171 (30 июня), и изъ «Тифлисскаго Листка»: за 1901 г.
№№. 55 (8 марта); 56 (9 марта); 57 (10 марта);
59 (13 марта) и 60 (14 марта).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арнгольда, Литейный проспектъ, № 59.

1901.

И

100

Дозволено цензурою. Спб., 25 апрѣля 1901 г.

Госуд. вѣдомств. библ.
им. В. И. Ленина
50131-46

50131-46

10 и 11 июня 1900 г. уголовнымъ отдѣленіемъ Ставропольскаго (на Кавказѣ) окружного суда было рассмотрѣно громкое дѣло о сопротивленіи властямъ дворянъ Безмѣновыхъ. Дѣло это приковало къ себѣ вниманіе всей Ставропольской губерніи, служа предметомъ толковъ и интереса всего населенія губерніи, какъ интеллигентнаго, такъ и крестьянскаго. И дѣйствительно, дѣло заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія со стороны общества, ярко обрисовывая мѣстные нравы и условія, въ которыхъ протекаетъ жизнь мѣстнаго обывателя. Въ виду этого, мы, находя недостаточнымъ въ данномъ случаѣ ограничиться краткою корреспонденціею о дѣлѣ, рѣшаемся представить вниманію читателей подробный отчетъ о процессѣ.

Присутствіе суда, разбиравшаго дѣло, состояло изъ предсѣдательства члена суда Сомчевскаго, члена суда Воскресенскаго и почетнаго мирового судьи Тимошенко. Обвиняль товарищъ прокурора Хмѣликовскій. Подсудимые, братья Иванъ и Николай Безмѣновы, мѣстные землевладѣльцы, защищаются сами.

Приводимъ обвинительный актъ полностью.

«На 22 августа 1899 года, въ имѣніи дворянъ Николая и Ивана Безмѣновыхъ, «Николина Пристань», въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Владикавказскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка, согласно 107 ст. устава государственнаго банка, назначена была продажа съ публичныхъ торговъ разнаго зерноваго хлѣба, состоящаго въ залогѣ отдѣленія, за неплатежъ Безмѣновыми банку долга по обязательствамъ, въ количествѣ 11,343 рублей. Такъ какъ раньше неоднократно братья Безмѣновы создавали затрудненія чиновникамъ банка и чинамъ полиціи при повѣркѣ наличности заложеннаго хлѣба, то командированный отдѣленіемъ банка чиновникъ Яхонтовъ обратился къ Ставропольскому губернатору съ просьбою объ оказаніи ему содѣйствія при производствѣ торговъ. Вслѣдствіе этого, губернаторомъ предписано было, за отсутствіемъ исправника, помощнику его Прицкеру оказать просимое содѣйствіе уполномоченному государственнаго банка. 22 августа Яхонтовъ, совмѣстно съ помощникомъ исправника Прицкеромъ, станowymi приставами Фіалковскимъ и Васильчиковымъ, нѣсколькими полицейскими урядниками и служителями, а также Благодатненскимъ волостнымъ старшиною Нѣштою и судебнымъ приставомъ Васильевымъ, назначеннымъ вслѣдствіе отношенія отдѣленія банка предсѣдателемъ Ставропольскаго окружного суда для производства торговъ, прибыли въ имѣніе Безмѣновыхъ. Ворота, ведущія во дворъ экономіи Безмѣновыхъ, гдѣ стояли хлѣбные амбары, оказались запертыми на висячій замокъ, а у воротъ стояли съ наружной стороны Николай Безмѣновъ, а со двора Иванъ Безмѣновъ. Прибывшими должност-

ными лицами объявлено было Безмѣновымъ о цѣли прїѣзда, причемъ чиновникомъ банка Яхонтовымъ и судебнымъ приставомъ Васильевымъ предъявлены были имъ полномочія, на основаніи которыхъ они дѣйствовали, но, на неоднократныя требованія открыть ворота, Безмѣновы отвѣтили отказомъ, заявивъ, что они разсчитались съ банкомъ, никакихъ долговъ за собою не признаютъ и потому не позволяютъ продавать хлѣбъ. Тогда, по настоянію Яхонтова, помощникъ исправника Прицкеръ приказалъ полицейскимъ служителямъ перелѣзть черезъ ограду во дворъ и сломать замокъ на воротахъ. Николай Безмѣновъ, услышавъ такое распоряженіе, поторопился перепрыгнуть черезъ ограду и, ухватившись одною рукою за замокъ, сталъ размахивать имѣвшеюся у него въ другой рукѣ палкою, не подпуская полицейскихъ къ воротамъ. Въ то же время и Иванъ Безмѣновъ, размахивая руками, старался также не допустить полицейскихъ къ замку. Полицейскіе стали устраивать Безмѣновыхъ отъ воротъ, хватая ихъ поперекъ тѣла и за руки, причемъ Безмѣновы подняли крикъ: «караулъ! насъ грабятъ! разбойники! грабители!» Какъ ни бились Безмѣновы, ихъ все-таки оттащили отъ воротъ, замокъ сломали и всѣ вошли во дворъ. По распоряженію помощника исправника, полицейскіе тотчасъ же расположились у дверей каждаго изъ амбаровъ съ тѣмъ, чтобы не допускать къ нимъ Безмѣновыхъ. Вслѣдъ за полицейскими направилась къ амбарамъ и братья Безмѣновы. Николай Безмѣновъ побѣжалъ къ амбару № 1-й и сталъ отталкивать отъ него полицейскихъ служителей, причемъ полицейскаго служителя Герасима Ласкова ударилъ кулакомъ въ грудь. Иванъ Безмѣновъ спѣшилъ оказать содѣйствіе брату, но полицейскій сотскій Прокофій Козлитинъ, схватилъ его и не сталъ пускать. Вырываясь изъ рукъ полицейскихъ, оба брата Безмѣновыхъ продолжали кричать: «караулъ! разбойники! грабятъ!» Чтобы успокоить Безмѣновыхъ помощникъ исправника подошелъ къ Николаю Безмѣнову и, протягивая руки къ нему, сказалъ: «Николай Николаевичъ, успокойтесь! Какіе тутъ грабители! Какой тутъ грабежъ! Вѣдь, мы дѣйствуемъ на основаніи закона!» Въ отвѣтъ на это, Николай Безмѣновъ сказалъ помощнику исправника: «убирайтесь!» и ударилъ кулакомъ по протянутой къ нему рукѣ. Тѣмъ временемъ замокъ на амбарѣ № 1-й былъ взломанъ и въ амбаръ вошли помощникъ исправника, чиновникъ Яхонтовъ и судебный приставъ Васильевъ. Полицейскій Козлитинъ, удерживавшій Ивана Безмѣнова, пустилъ его тогда, причемъ Безмѣновъ, толкнувъ Козлитина рукою въ грудь, сказалъ: «какъ ты смѣешь меня держать, я—дворянинъ». Послѣ этого братья Безмѣновы, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, стали ругать всѣхъ должностныхъ лицъ разбойниками, грабителями, а помощника исправника называли атаманомъ шайки разбойниковъ. Во время измѣренія хлѣба въ амбарѣ Николай Безмѣновъ ворвался туда, но уже сопротивленія не оказывалъ. Ивана же Безмѣнова полицейскіе въ амбаръ не пустили. Продолжая кричать: «разбойники, грабители», Иванъ Безмѣновъ досталъ уложеніе о наказаніяхъ и сталъ вслухъ читать статьи, тракующія о грабежѣ и разбоѣ. Затѣмъ, какъ онъ, такъ и Николай Безмѣновъ, обращаясь къ полицейскимъ служителямъ и волостному старшинѣ, убѣждали ихъ не слушать приказаній атамана шайки разбойниковъ, т. е. помощника исправника, причемъ называли всѣхъ полицейскихъ и старшину ослами и дураками, которымъ придется отвѣчать за ихъ незаконныя

якобы дѣйствія, ссылаясь на примѣръ бунтовъ въ сел. Михайловскомъ и Дмитріевскомъ, гдѣ пострадали не начальники, виновные въ этихъ бунтахъ, а несчастные крестьяне. Послѣ измѣренія хлѣба въ амбарѣ № 1-й братья Безмѣновы, наконецъ, успокоились, но дать ключи отъ остальныхъ амбаровъ отказались, такъ что пришлось сломать замки на остальныхъ семи амбарахъ, въ которыхъ хранился заложенный банку хлѣбъ. Такимъ образомъ, весь хлѣбъ былъ измѣренъ, но торги все-таки не состоялись, такъ какъ покупатели не явились. Изложенныя обстоятельства дѣла установлены на предварительномъ слѣдствіи показаніями свидѣтелей: помощника исправника Прицкера, чиновника Владиміра Яхонтова, судебного пристава Васильева, полицейскихъ урядниковъ Дегтерея и Цыбина, волостного старшины Нѣшты, полицейскихъ служителей Прокофія Козлитина, Герасима Ласкова, Луки Требуха, Ивана Зиборова и др. Привлеченные, въ силу этихъ данныхъ, къ дѣлу, въ качествѣ обвиняемыхъ, дворяне Николай и Иванъ Безмѣновы не признали себя виновными ни въ сопротивленіи властямъ, ни въ оскорбленіи ихъ словомъ и дѣйствіемъ, но ничего существеннаго въ оправданіе свое не представили, ссылаясь, между прочимъ, на то, что они дѣйствовали въ предѣлахъ самозащиты, ограждая свое имущество отъ незаконныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, которые не имѣли будто бы никакого права вторгаться въ ихъ жилище и распоряжаться продажей хлѣба, такъ какъ съ банкомъ они разсчитались и ничего ему должными не состояли. На основаніи вышеизложеннаго потомственные дворяне Ставропольской губерніи, Иванъ Николаевъ Безмѣновъ, 40 лѣтъ, и Николай Николаевъ Безмѣновъ, 39 лѣтъ, обвиняются: во 1-хъ въ томъ, что 22-го августа 1899 года, въ имѣніи своемъ «Николина Пристань», въ Ставропольскомъ уѣздѣ, оказали полицейскимъ властямъ, судебному приставу Васильеву и чиновнику Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка Яхонтову, при отправленіи ими обязанностей службы, сопротивленіе, выразившееся въ томъ, что когда помощникъ Ставропольскаго уѣзднаго исправника Прицкеръ, совмѣстно съ станowymi приставами Фіалковскимъ и Васильчиковымъ, полицейскими урядниками Дегтеремъ и Цыбинымъ, Благодатненскимъ волостнымъ старшиною Нѣштою, нѣсколькими полицейскими служителями, чиновникомъ государственнаго банка Яхонтовымъ и судебнымъ приставомъ Васильевымъ явились для производства продажи съ публичнаго торга заложенаго отдѣленію банка и хранившагося въ амбарахъ Безмѣновыхъ зернового хлѣба, они, не допуская названныхъ должностныхъ лицъ во дворъ и къ амбарамъ съ хлѣбомъ, отказались отпереть замки и отталкивали отъ воротъ и дверей амбара полицейскихъ служителей, причемъ Николай Безмѣновъ ударилъ помощника исправника кулакомъ по рукѣ и полицейскаго сотскаго Герасима Ласкова кулакомъ въ грудь, а Иванъ Безмѣновъ толкнулъ рукою въ грудь полицейскаго служителя Прокофія Козлитина, и во 2-хъ въ томъ, что тамъ же они нанесли оскорбленія словами всѣмъ названнымъ выше должностнымъ лицамъ, находившимся при отправленіи обязанностей службы, назвавъ ихъ разбойниками и грабителями и, сверхъ того, помощника исправника Прицкера — атаманомъ шайки разбойниковъ, а полицейскихъ урядниковъ, полицейскихъ служителей и волостного старшину Нѣшту — ослами и дураками. Означенныя преступленія предусмотрены 13, 271, 286, 288, а также 152 ст. улож. о наказ. и 31 ст. уст. о нак., вслѣдствіе чего и

на основаніи 200, 208 и 1256 ст. уст. угол. судопр., потомственные дворяне Ставропольской губерніи Иванъ Николаевъ и Николай Николаевъ Безмѣновы подлежатъ суду Ставропольскаго окружнаго суда. Составленъ 25 февраля 1900 года въ г. Ставрополѣ. Подписалъ товарищъ прокурора Хмѣликовскій».

По прочтеніи обвинительнаго акта, подсудимымъ предлагается вопросъ о виновности; подсудимые виновными себя не признають, и судъ приступаетъ къ допросу свидѣтелей.

Всѣхъ свидѣтелей вызвано 22 человѣка,—изъ нихъ 12 обвиненіемъ и 10—по просьбѣ обвиняемыхъ. Въ числѣ свидѣтелей обвиненія фигурируютъ исключительно лица, принимавшія активное участіе въ происшествіи 22-го августа 1899 г.: чиновникъ государственнаго банка Яхонтовъ, судебный приставъ Васильевъ, помощникъ исправника Прицкеръ, два станovýchъ праства, два урядника, волостной старшина Нѣшта и четыре полицейскихъ сотскихъ. Свидѣтелями подсудимыхъ являются живущіе на ихъ землѣ арендаторы и ихъ рабочіе. Всѣ свидѣтели, за исключеніемъ Яхонтова, явились. Судъ постановляетъ прочитать показаніе Яхонтова, данное на предварительномъ слѣдствіи.

Первымъ допрашивается *помощникъ исправника Прицкеръ*. По его словамъ, онъ получилъ предписаніе отъ и. д. Ставропольскаго губернатора объ оказаніи содѣйствія чиновнику государственнаго банка при продажѣ съ торжонъ хлѣба Безмѣновыхъ, заложеннаго въ этомъ банкѣ. Былъ ли на хуторѣ Безмѣновыхъ хлѣбъ, заложенный банку, и были ли Безмѣновы что либо должны государственному банку, онъ, свидѣтель, не знаетъ и этимъ вопросомъ не интересовался. Чтобы оказать содѣйствіе чиновнику банка и судебному приставу, свидѣтель счелъ нужнымъ взять съ собою двухъ приставовъ, трехъ урядниковъ и около 30 полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ. Раньше чиновникъ банка пріѣзжалъ въ имѣніе Безмѣновыхъ для провѣрки заложеннаго хлѣба, въ сопровожденіи становаго пристава Фіалковскаго, но хлѣбъ не былъ провѣренъ, такъ какъ Николай Безмѣновъ представилъ Фіалковскому какіе то счета, которые будто бы удостовѣряли, что Безмѣновы не должны ничего банку. Эта бумага была представлена приставомъ Фіалковскимъ въ полицейское управленіе. Затѣмъ въ имѣніе Безмѣновыхъ ѣздили для той же провѣрки снова чиновникъ банка уже въ сопровожденіи исправника Макаровскаго, и такъ какъ Безмѣновы не давали ключей отъ амбаровъ съ хлѣбомъ, то Макаровскій сломалъ замки на пяти амбарахъ, и хлѣбъ былъ провѣренъ. Теперь свидѣтель счелъ нужнымъ явиться въ имѣніе Безмѣновыхъ уже съ значительною силой. У воротъ двора Безмѣновыхъ пріѣхавшихъ встрѣтилъ Николай Безмѣновъ и спросилъ, что имъ нужно. Яхонтовъ и приставъ Васильевъ показали свои полномочія,—порученіе Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка продать заложенный хлѣбъ и предписаніе предсѣдателя Ставропольскаго окружнаго суда судебному приставу принять участіе въ продажѣ, а свидѣтель отказался предъявить Безмѣнову то предписаніе и. д. губернатора, въ силу котораго онъ явился въ имѣніе Безмѣновыхъ. О причинахъ этого отказа свидѣтель далъ три различныхъ объясненія. Сперва онъ заявилъ, что не предъявилъ предписанія потому, что полиція не обязана предъявлять частнымъ лицамъ своихъ полномочій и можетъ входить куда ей угодно, и дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, не объясняя частнымъ лицамъ, по какому праву она

это дѣлаетъ. Такія права, по мнѣнію свидѣтеля, предоставлены полиціи закономъ. Затѣмъ свидѣтель при дальнѣйшемъ допросѣ указалъ уже совершенно другую причину своего отказа предъявить свое полномочіе. Причиной этой было то, что свидѣтеля и другихъ пріѣхавшихъ должностныхъ лицъ Николай Безмѣновъ трактовалъ, какъ частныхъ лицъ, и свидѣтель изъ самолюбія отказалъ въ предъявленіи уполномочія. Наконецъ, въ концѣ концовъ свидѣтель заявилъ, что онъ не предъявилъ предписанія и. д. губернатора потому, что это предписаніе было оставлено имъ въ дѣлахъ полицейскаго управленія и при немъ не находилось. Предписанія ломать замки и тащить Безмѣновыхъ, не пускать ихъ въ амбары и т. п. у свидѣтеля не было. Николай Безмѣновъ отказался впустить пріѣхавшихъ должностныхъ лицъ во дворъ, ссылаясь на то, что онъ ничего государственному банку не долженъ и что всѣ отношенія его съ банкомъ покончены. При этомъ Безмѣновъ, однако на бумагу, переданную имъ ранѣе приставу Фіалковскому и представленную послѣднимъ въ полицейское управленіе, не ссылаясь, и съ этою бумагою свидѣтель не знакомъ. Одѣтъ Николай Безмѣновъ былъ въ череску и на поясѣ у него былъ кинжалъ, а въ рукахъ палка. (Палка эта фигурируетъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ и представляетъ собою обыкновенную трость). Преступныя дѣйствія Николая Безмѣнова выразились въ томъ, что онъ хватался за замокъ, отбрасывалъ полицейскихъ и кричалъ: «караулъ! грабятъ!» и, наконецъ, ударилъ свидѣтеля по рукѣ. Послѣднее событіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Свидѣтель подошелъ къ Николаю Безмѣнову, котораго въ это время держали четыре человѣка за руки и поперекъ тѣла, и, желая его успокоить, положилъ ему руку на плечо, а тотъ ударилъ его очень больно кулакомъ по рукѣ. По окончаніи сопротивленія, которое продолжалось съ четверть часа, Николай Безмѣновъ выражалъ сожалѣніе, что не сталъ стрѣлять, причемъ показывалъ карманъ, въ которомъ у него будто бы былъ револьверъ, котораго свидѣтель не видѣлъ. Когда былъ сломанъ замокъ на амбарѣ № 1-й, Николай Безмѣновъ просилъ освободить его, обѣщая держать себя спокойно, и свидѣтель приказалъ отпустить его, послѣ чего Николай Безмѣновъ вошелъ въ амбаръ и держалъ себя спокойно. Въ началѣ онъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ вѣжливо, но сухо. Иванъ Безмѣновъ также хватался за замокъ, но толкалъ ли полицейскихъ, свидѣтель не видѣлъ. Затѣмъ, Иванъ Безмѣновъ читалъ статьи изъ уложенія о наказаніяхъ о грабежѣ и разбоѣ, и ругалъ сотскихъ и десятскихъ дураками и ослами. Чтобы Иванъ Безмѣновъ оскорбилъ волостнаго старшину Нѣшту, свидѣтель не замѣтилъ. Вообще свидѣтель думаетъ, что подсудимые, говоря о грабежѣ и разбоѣ, хотѣли не оскорбить должностныхъ лицъ, а только остановить ихъ дѣйствія. Одинъ изъ замковъ не былъ сломанъ, а былъ снятъ вмѣстѣ съ пробоемъ, и тогда свидѣтель приказалъ разбить его на землѣ молотомъ.

Судебный приставъ Васильевъ показываетъ, что онъ былъ командированъ распоряженіемъ предсѣдателя Ставропольскаго окружнаго суда въ имѣніе Безмѣновыхъ, чтобы произвести торги на продажу хлѣба не въ качествѣ судебного пристава, а какъ лицо, замѣняющее маклера государственнаго банка, и что его роль ограничивалась ролью аукціониста. Онъ не знаетъ, былъ ли въ имѣніи Безмѣновыхъ хлѣбъ, заложенный государственному банку, и этимъ вопросомъ не интересовался, такъ какъ ему предстояло продавать лишь

хлѣбъ, а какимъ путемъ этотъ хлѣбъ будетъ переданъ ему представителемъ банка, ему было совершенно безразлично, почему онъ, свидѣтель, и не обращался къ содѣйствію полиціи въ данномъ случаѣ, такъ какъ отысканіе заложеннаго хлѣба отнюдь не входило въ его обязанности. Когда свидѣтель и прочіе представители власти подѣхали къ усадьбѣ Безмѣновыхъ, Николай Безмѣновъ потребовалъ отъ нихъ представленія полномочій, и это требованіе было удовлетворено свидѣтелемъ и представителемъ банка Яхонтовымъ; помощникъ же исправника заявилъ, что онъ не желаетъ показывать своего полномочія. При этомъ Николай Безмѣновъ заявилъ присутствующимъ, что онъ не пуститъ ихъ въ свой дворъ, такъ какъ существуетъ опредѣленіе Ставропольскаго окружнаго суда, которымъ признано, что между Безмѣновымъ и государственнымъ банкомъ всѣ отношенія ликвидированы и никакого долга Безмѣновыхъ банку не существуетъ; опредѣленіе это, по словамъ Николая Безмѣнова, представлено имъ черезъ пристава Фіалковскаго Ставропольской администраціи. Затѣмъ Н. Безмѣновъ заявлялъ, что въ Ставропольскомъ окружномъ судѣ имѣется гражданское дѣло, возбужденное Владикавказскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка о томъ самомъ хлѣбѣ, продавать который административнымъ порядкомъ пріѣхали власти въ усадьбу Безмѣновыхъ, и что, на основаніи ст. 238 устава гражданскаго судопроизводства, администраціи прямо воспрещено вмѣшиваться въ дѣла, разсматриваемыя въ судахъ. Сопrotивленіе Безмѣновыхъ выразилось лишь въ томъ, что они хватались за замки на воротахъ и амбарѣ и не давали ихъ ломать. Свидѣтель не видѣлъ, чтобы Ник. Безмѣновъ ударилъ Прицкера. Точно также онъ не помнитъ, чтобы Ник. Безмѣновъ на угрозу полиціи пустить въ ходъ силу, отвѣчалъ: «противъ силы и мы пустимъ въ ходъ силу». Самъ свидѣтель оскорбленъ не былъ. Точно также не былъ оскорбленъ и волостной старшина Нѣшта, который вообще въ дѣлѣ никакого участія не принималъ. Николай и Иванъ Безмѣновы показывали слѣбъ происшествія свои окровавленные руки, но почему у нихъ руки оказались въ крови, свидѣтель не знаетъ. Николай Безмѣновъ у воротъ размахивалъ палкой, но отнюдь не для обороны.

Становой приставъ Фіалковскій показалъ, что еще до происшествія 22-го августа онъ пріѣзжалъ въ имѣніе Безмѣновыхъ съ агентомъ государственнаго банка провѣрять хлѣбъ, но провѣрка не была произведена, такъ какъ Николай Безмѣновъ представилъ ему опредѣленіе судебного слѣдователя, утвержденное Ставропольскимъ окружнымъ судомъ, изъ котораго было видно, что всѣ отношенія между Безмѣновымъ и государственнымъ банкомъ были закончены, что Безмѣновы долгъ банку уплатили, и что на хуторѣ заложеннаго банку хлѣба не было. Свидѣтель представилъ это опредѣленіе въ полицейское управленіе, въ которомъ оно было получено помощникомъ исправника Прицкеромъ, исполнявшимъ въ это время обязанности исправника. Когда 22-го августа власти пріѣхали на хуторъ Безмѣновыхъ, Николай Безмѣновъ ссылался на упомянутое опредѣленіе судебного слѣдователя и убѣждалъ присутствовавшихъ, что онъ ничего не долженъ банку, что у него нѣтъ хлѣба, заложеннаго банку, который они явились продавать, и что поэтому ихъ дѣйствія по продажѣ хлѣба будутъ противозаконны. Когда Ник. Безмѣновъ стоялъ у воротъ и не пускалъ полицію, его отстраняли отъ воротъ помощникъ исправника Прицкеръ и приставъ Васильчиковъ. Когда во-

рота были сломаны, Ник. Безмѣновъ побѣжалъ къ амбару № 1-й и тоже не давалъ ломать замокъ; отсюда онъ также былъ устраненъ Прицкеромъ и Васильчиковымъ. Затѣмъ, Николая и Ивана Безмѣновыхъ держали полицейскіе сотскіе и не пускали въ амбары, гдѣ шла провѣрка хлѣба. Ник. Безмѣновъ просилъ Прицкера пустить его въ амбаръ, обѣщая вести себя спокойно; Прицкеръ распорядился освободить его, и онъ вошелъ въ амбаръ и тамъ спокойно сидѣлъ на закромѣ. Ивана же Безмѣнова, тоже просившаго его освободить, Прицкеръ не нашелъ возможнымъ пустить въ амбаръ и его все время держали полицейскіе. Когда Иванъ Безмѣновъ читалъ статьи изъ уложенія о наказаніяхъ, Николай сказалъ: «не мечи бисера», очевидно, съ цѣлью оскорбить полицію. Оба брата кричали: «разбойники и грабители». Но свидѣтель не видѣлъ, чтобы Безмѣновы кого нибудь ударили или толкали въ грудь; не видѣлъ свидѣтель и удара, нанесеннаго Николаемъ Безмѣновымъ Прицкеру.

Становой приставъ Васильчиковъ своимъ показаніемъ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ въ судебномъ залѣ. Эта внушительная фигура говоритъ рѣшительно. Видимо, привикъ къ быстротѣ и натиску. Откровенно заявилъ, что длинные переговоры съ Николаемъ Безмѣновымъ велись полиціей лишь потому, что чины полиціи боялись кинжала, висѣвшаго на поясѣ у Безмѣнова. Если бы кинжала не было, то «съ вами мы не такъ бы расправились»,—заявляетъ откровенно приставъ, обращаясь на судъ къ Ник. Безмѣнову. Заявленіе это производитъ сильнѣйшій эффектъ, такъ какъ передъ умственнымъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ въ судебномъ залѣ невольно проносится картина того, какъ г. Васильчиковъ «расправляется». По существу дѣла свидѣтель заявляетъ, что онъ не знаетъ, былъ ли на хуторѣ Безмѣновыхъ хлѣбъ, заложенный въ государственномъ банкѣ, что этимъ вопросомъ, какъ и вообще вопросомъ о законности своихъ дѣйствій, онъ, свидѣтель, совсѣмъ не интересовался. «Мнѣ предписано было оказать содѣйствіе, ну, я и оказалъ». Свидѣтель принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ Безмѣновыми. Онъ держалъ и Николая и Ивана Безмѣновыхъ. Вмѣстѣ съ Прицкеромъ, Фіалковскимъ и полицейскими, свидѣтель оттаскивалъ Николая Безмѣнова отъ амбара № 1-й. Николай Безмѣновъ такъ усиливался проникнуть въ амбаръ и вырваться изъ рукъ державшихъ его, что на немъ весь костюмъ сталъ мокрымъ отъ пота. Въ концѣ концовъ, Ник. Безмѣновъ былъ пущенъ въ амбаръ, такъ какъ обѣщалъ держать себя спокойно, и, дѣйствительно, держался спокойно. Иванъ Безмѣновъ въ амбаръ пущенъ не былъ. У дверей амбара, въ которомъ происходила провѣрка хлѣба, стоялъ одинъ полицейскій съ ломомъ въ рукахъ и не пускалъ Безмѣновыхъ. На дворѣ были хуторяне, живущіе на землѣ Безмѣновыхъ, но свидѣтель и помощникъ исправника Прицкеръ прогнали ихъ. Хуторъ этотъ всего въ пяти сажняхъ отъ усадьбы Безмѣновыхъ. Свидѣтель не видѣлъ, чтобы Николай Безмѣновъ ударилъ помощника исправника, и не слышалъ разговора объ этомъ ударѣ. Подсудимые кричали «караулъ» и «грабятъ», но чтобы кричали «душатъ» и «дураки», свидѣтель не слышалъ. Слышалъ слова «атаманъ разбойниковъ» и «дураки», но къ кому эти слова относились, не знаетъ. Относительно того, показывалъ ли помощникъ исправника Прицкеръ свои полномочія Безмѣновымъ, свидѣтель далъ разнорѣчивыя показанія на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, на первомъ утверждая, что

такой фактъ имѣлъ мѣсто, а на судебномъ отрицая его. Полномочія употреблять по отношенію къ Безмѣновымъ и ихъ имуществу силу свидѣтель не получалъ, но въ этомъ случаѣ онъ руководствовался общей инструкціей.

Урядникъ Дегтеръ показалъ, что онъ не видѣлъ, чтобы Безмѣновы когонибудь ударили или толкали. Иванъ Безмѣновъ кричалъ между прочимъ: «задушили» и «душатъ».

Урядникъ Цибинъ видѣлъ, какъ оба Безмѣновы отталкивали полицейскихъ сотскихъ отъ замковъ, которые тѣ собирались ломать, но не видѣлъ, чтобы Безмѣновы когонибудь ударили. Николай Безмѣновъ держалъ палку на перевѣсѣ и кричалъ: «не подходите». Палка у него была скоро отнята. Еще у воротъ, когда ихъ сломали, помощникъ исправника сказалъ Николаю Безмѣнову: «за что ты меня ударилъ?», но свидѣтель самого удара не видѣлъ. Оба Безмѣновы говорили: «стоитъ намъ только сказать хуторянамъ, и они убьютъ васъ». Помощникъ исправника велѣлъ удалить хуторянъ, и они были удалены, но потомъ часть ихъ вернулась, и ихъ никто уже не удалялъ.

Такъ какъ помощникъ исправника Прицкеръ утверждаетъ, что Николай Безмѣновъ ударилъ его не у воротъ усадьбы, а послѣ взлома дверей амбара № 1-й, то Прицкеру и Дегтеру дѣлаютъ очную ставку, которая, однако, ничего не выясняетъ. Прицкеръ высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, Безмѣновъ ударилъ его дважды, но перваго удара онъ не замѣтилъ; предположеніе это настолько мало вѣроятно, что у всѣхъ присутствующихъ вызываетъ только улыбку.

Благодатненскій старшина Нышта показываетъ, что зачѣмъ собственно пріѣхали власти на хуторъ Безмѣновыхъ и зачѣмъ онъ самъ былъ вытребованъ сюда, ему никто официально не сообщалъ; только частнымъ образомъ онъ слышалъ, что будетъ производиться продажа хлѣба. Свидѣтелю помощникъ исправника Прицкеръ еще заранѣе велѣлъ ѣхать впередъ и разставить полицейскихъ у хлѣбныхъ амбаровъ Безмѣновыхъ. Свидѣтель не видѣлъ, чтобы Николай Безмѣновъ ударилъ помощника исправника, а также не видѣлъ, чтобы они вообще когонибудь били или толкали. Безмѣновы ограничивались лишь тѣмъ, что распахивали полицейскихъ, когда лѣзли къ замкамъ и въ открытый амбаръ. Такъ какъ въ это время Безмѣновыхъ держали по четыре человека и больше, то Безмѣновы настолько «усиливались», что съ нихъ «потъ лилъ». Оба Безмѣновы кричали, что это «дневной грабежъ», а Иванъ ругалъ полицейскихъ сотскихъ «ослами». Себя свидѣтель оскорбленнымъ не считаетъ.

Полицейскій Ласковъ рассказываетъ довольно картинно, какъ онъ и его товарищи «тягали» Безмѣновыхъ отъ воротъ усадьбы и амбара. Палкой Николай Безмѣновъ не размахивалъ. У воротъ Николай не толкалъ никого, а отъ амбара сталъ отталкивать полицейскихъ, но лишь «помаленьку». Держали Безмѣновыхъ по двое и по трое полицейскихъ и урядники. За шею свидѣтеля никто изъ Безмѣновыхъ не тянулъ, а въ грудь его слегка толкнулъ Николай Безмѣновъ.

Полицейскій Козлитинъ показываетъ, что Безмѣновы первые подѣлали къ замку амбара № 1-й, а за ними подошла полиція. Помощникъ исправника сталъ упрашивать Безмѣновыхъ, чтобы они «окоротились», а полицейскіе стали ихъ оттягивать, и въ это время И. Без-

мѣновъ ударилъ свидѣтеля въ грудь. Безмѣновы говорили, что если собрать хуторянъ, то «повыбьютъ всѣхъ». Въ амбарахъ, у которыхъ были сломаны замки, былъ разный хлѣбъ: ленъ, горчица, гирка, ячмень.

Полицейскій Требуха показываетъ, что Безмѣновы «только говорили, а руками не дрались». Свидѣтель не видѣлъ, чтобы Безмѣновы когонибудь толкали, не видѣлъ также, чтобы Н. Безмѣновъ ударилъ помощника исправника Прицкера, хотя стоялъ тутъ же и какъ разъ въ это время держалъ Н. Безмѣнова. Свидѣтель съ ломомъ въ рукахъ стоялъ у дверей амбара и не пускалъ въ него И. Безмѣнова. Иванъ Безмѣновъ просилъ пустить его въ амбаръ, но помощникъ исправника приказалъ не пускать. Полицейскихъ, которые ломали замки, Безмѣновы не толкали, а только распахивали ихъ, когда лѣзли сами къ замкамъ.

Полицейскій Зибаровъ видѣлъ, какъ Безмѣновы хватались за замки; при этомъ они никого не били и не толкали, а только вырывались изъ рукъ тѣхъ, кто ихъ держалъ. Ивана Безмѣнова держало нѣсколько полицейскихъ и урядники. Свидѣтель держалъ Н. Безмѣнова, но не видѣлъ, чтобы онъ ударилъ помощника исправника.

Свидѣтелемъ Зибаровымъ окончился рядъ свидѣтелей, выставленныхъ со стороны обвиненія. По мѣрѣ ихъ показаній, истинный характеръ происшествія выяснялся все болѣе и болѣе, и грозный призракъ «сопротивленія» все болѣе улетучивался. вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу предъ слушателями выяснялась удивительная подкладка настоящаго дѣла, состоявшая въ томъ, что Владикавказское отдѣленіе государственнаго банка стремилось продать хлѣбъ у Безмѣновыхъ, послѣ того, какъ послѣдніе уже погасили весь свой долгъ отдѣленію и послѣ того, какъ было прекращено возбужденное противъ Безмѣновыхъ обвиненіе въ растратѣ все того же хлѣба и, наконецъ, было начато тѣмъ же отдѣленіемъ гражданское дѣло въ Ставропольскомъ окружномъ судѣ.

Показанія свидѣтелей защиты и въ особенности оглашенные на судѣ документы выяснили невѣроятную, на первый взглядъ, подкладку даннаго дѣла еще въ болѣе рельефномъ видѣ.

Свидѣтели защиты единогласно удостовѣряютъ, что Безмѣновы никого изъ представителей какъ общей, такъ и сельской полиціи не били и не толкали, и что все сопротивленіе Безмѣновыхъ состояло въ томъ, что они держались руками за замки; что отъ замковъ ихъ оттащили грубымъ насиліемъ; что ихъ держали все время, пока ломали замки и отбивали двери въ амбарахъ, а Ивана Безмѣнова держали и въ то время, когда происходила провѣрка хлѣба въ амбарахъ — около полутора часа; что держали каждаго изъ братьевъ Безмѣновыхъ человека по четыре и болѣе; что Иванъ Безмѣновъ кричалъ: «караулъ», «душатъ», «задушили»; что кричалъ онъ прямо нечеловѣческимъ голосомъ, такъ что его слышно было въ третьей колонкѣ, а колонки (поселки) отстоятъ другъ отъ друга на полторы версты; что просьба Ник. Безмѣнова допустить его въ амбаръ, для присутствія при провѣркѣ хлѣба, не была уважена полиціей и онъ силкомъ ворвался въ амбаръ, таща на себѣ четырехъ державшихъ его полицейскихъ; что въ амбарахъ, на которыхъ были сломаны замки и изъ которыхъ затѣмъ былъ проданъ хлѣбъ, были ленъ, сурьпа, горчица, ячмень, кубанка, гирка, но не было озимой пшеницы, и что у обихъ Безмѣновыхъ послѣ происшествія руки оказались поранеными. Къ этому одинъ изъ свидѣтелей защиты при-

соединил показаніе, что Безмѣновы кричали о томъ, что здѣсь производится грабежъ и разбой и называли кого-то изъ властей «атаманомъ шайки разбойниковъ изъ банка», а другой упомянулъ о томъ, что Безмѣновы кричали «разбойники», «грабители!»

Читается затѣмъ показаніе неявившагося свидѣтеля Яхонтова (бухгалтера Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка). Свидѣтель этотъ удостовѣряетъ, что Николай Безмѣновъ не употреблялъ ни палки, ни кинжала, при столкновеніи съ полиціей, и что Иванъ Безмѣновъ никакого участія въ противодѣйствіи полиціи не принималъ. Свидѣтель не видѣлъ, чтобы Николай Безмѣновъ ударилъ помощника исправника Прицкера, но слышалъ, какъ Прицкеръ говорилъ: «за что деретесь?» Безмѣновы говорили: «стоитъ только свистнуть, и наши люди сотрутъ васъ въ порошокъ». Хлѣбъ 22-го августа проданъ не былъ, за неявкой покупателей, и былъ проданъ уже 29-го, когда Безмѣновы никакого сопротивленія не оказывали.

Въ заключеніе слѣдствія, по просьбѣ обвиняемаго Николая Безмѣнова, оглашаются слѣдующіе документы:

1. Предписаніе и. д. Ставропольскаго губернатора помощнику Ставропольскаго исправника, которымъ предлагается «оказать содѣйствіе» чиновнику государственнаго банка Яхонтову при производствѣ торговъ въ имѣніи Безмѣновыхъ.

2. Объявленіе Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка о торгахъ для продажи хлѣба въ имѣніи Безмѣновыхъ. Изъ этого объявленія видно, что торги были назначены на 15-е августа, а не на 22-е, когда явились въ имѣніе Безмѣновыхъ г. Яхонтовъ и полиція, что предназначена была къ продажѣ озимая пшеница, а не тѣ хлѣба, которые оказались въ амбарѣ Безмѣновыхъ (ленъ, горчица, сурьпка, ячмень и проч.) и которые затѣмъ были проданы 29-го августа, и что продажа хлѣба назначалась за неуплату тѣхъ именно ссудъ, которыя, какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ оглашенныхъ документовъ, были уже погашены Безмѣновыми. вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, оглашается и надпись, которая была сдѣлана на немъ Н. Безмѣновымъ и съ которою онъ возвратилъ объявленіе въ отдѣленіе банка. Въ надписи этой Н. Безмѣновъ указываетъ отдѣленію, что всѣ расчеты по ссудамъ, упомянутымъ въ объявленіи, имъ уже покончены и ссуды давно погашены, причемъ указываетъ и на документы, подтверждающіе это заявленіе.

3. Докладная записка, поданная Н. Безмѣновымъ г. Ставропольскому губернатору 13-го іюля 1899 года, т. е. за мѣсяць до событія 22-го августа 1899 года. Въ виду важности этого документа, приводимъ его цѣликомъ.

«Его Превосходительству господину Ставропольскому губернатору—дворянина Николая Николаевича Безмѣнова—докладная записка. 9-го іюля сего года Ставропольскій уѣздный исправникъ взломалъ замки, исковеркалъ пробой и испортилъ двери на принадлежащихъ мнѣ пяти амбарахъ съ хлѣбомъ. Въ основаніе своихъ дѣйствій исправникъ сослался на Ваше письменное и словесное приказаніе, вызванное притязаніями ко мнѣ Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка по ссудѣ подъ хлѣбъ. Дабы предохранить себя и свое имущество отъ повторенія событія 9-го іюля, я прилагаю при семъ справку Ставропольскаго окружнаго суда, изъ которой Вы изволите усмотрѣть: 1) что хлѣбъ, состоящій

въ залогѣ у отдѣленія, согласно 6 разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ отдѣленія, вывезенъ въ Новороссійскій элеваторъ. Слѣдовательно, хлѣбъ, находящійся на хуторѣ, въ залогѣ у отдѣленія не состоитъ и отдѣленіе на него залоговаго права не имѣетъ; 2) что долгъ отдѣленію уплаченъ съ большимъ избыткомъ, ибо указанные въ справкѣ платежные документы и означенныя въ нихъ суммы въ списокъ полученныхъ съ меня отдѣленіемъ платежей не значатся. Къ этой суммѣ, скрытыхъ отдѣленіемъ платежей, слѣдуетъ прибавить еще 2,180 рублей, полученныхъ отдѣленіемъ 5-го января 1895 года въ уплату капитала, но неправильно имъ зачисленныхъ *вторично* въ уплату полученныхъ уже процентовъ; 3) что отдѣленіе отказывается отъ части иска. Въ подробности Вы можете все это усмотрѣть изъ гражданскаго дѣла. При наличныхъ условіяхъ вмѣшательство административной власти въ дѣло спорное, находящееся въ производствѣ суда, не можетъ быть оправдано существующими законами. Поэтому, я имѣю честь просить Ваше Превосходительство предписать чинамъ ввѣренной Вамъ полиціи воздержаться отъ вмѣшательства въ названное дѣло, а отдѣленію банка рекомендовать судъ, какъ единственное, закономъ уполномоченное, мѣсто для разрѣшенія вопросовъ права.

«При этомъ нахожу умѣстнымъ обратить Ваше вниманіе на видимую недобросовѣстность въ дѣйствіяхъ отдѣленія, которое, предъявляя искъ, тѣмъ понудило меня всѣ документы, доказывающіе полную ликвидацію моихъ отношеній съ отдѣленіемъ, представить въ судъ. Возбуждая дѣло въ административномъ порядкѣ, отдѣленіе надѣется на мое беззащитное положеніе по отсутствію у меня документовъ, находящихся въ производствѣ суда. Іюля 13-го дня 1899 г. Губер. гор. Ставрополь. Дворянинъ Николай Николаевичъ Безмѣновъ».

На подлинной докладной запискѣ рукою г. ставропольскаго губернатора написано: «Губ. Пр. 13—VII. Къ дѣлу».

4. Постановленіе судебнаго слѣдователя Любомудрова:

«1898 года іюня 19-го дня. Кугульта. И. д. судебнаго слѣдователя 4-го участка Ставропольскаго уѣзда М. Любомудровъ, разсмотрѣвъ производство предварительнаго слѣдствія по дѣлу по обвиненію Ивана и Николая Безмѣновыхъ по ст. 1681 улож. о нак., нашелъ: повѣренный Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка Мадатовъ въ прошеніи, поданномъ прокурору Ставропольскаго окружнаго суда, заявилъ, что дворяне Иванъ и Николай Безмѣновы задолжали Владикавказскому отдѣленію государственнаго банка по тремъ обязательствамъ, выданнымъ въ 1894 году, первое въ суммѣ 1,400 руб., второе въ суммѣ 3,900 р., третье въ суммѣ 39,000 руб., подъ обезпеченіе пшеницей по первому 5,000 пуд., по второму—13,000 пуд. и по третьему 130,000 пуд., хранившихся въ имѣніи Безмѣновыхъ; что Безмѣновы производили платежи съ освобожденіемъ извѣстной части пшеницы отъ залога, но всего долга, по заявленію отдѣленія, Безмѣновы не заплатили, такъ что къ 1 мая 1897 года оставалось долга 6,941 р. 93 к. и процентовъ 2,604 р. 30 к., что, провѣряя залогъ, отдѣленіе усмотрѣло растрату, о чемъ составило актъ 9-го ноября 1897 г. безъ участія Безмѣновыхъ, котораго Безмѣновы не подписали, почему отдѣленіе проситъ привлечь Безмѣновыхъ за растрату къ уголовной отвѣтственности и взыскать съ нихъ 11,000 р.

«То же отдѣленіе черезъ повѣреннаго Мадатова предъявило въ Став-

ропольскомъ окружномъ судѣ къ Ивану и Николаю Безмѣновымъ искъ въ 9,641 р. 68 к. Изъ этого дѣла, рассмотрѣннаго по просьбѣ Безмѣновыхъ, и находящихся при немъ представленныхъ Безмѣновыми документовъ усматривается...» (дальше приводится длинный рядъ цифръ, который мы здѣсь опускаемъ, такъ какъ онъ крайне утомителенъ и мы его еще будемъ имѣть случай привести позднѣе). Такимъ образомъ устанавливается, что Безмѣновы ничего не должны банку. На основаніи изложеннаго, я прихожу къ заключенію, что растрата Безмѣновыми пшеницы, заложенной отдѣленію банка, не доказана, и потому, руководствуясь 396 и 277 ст. уст. угол. суд., постановилъ: дворянъ Ивана и Николая Безмѣновыхъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, не привлекать, и дѣло представить въ ставропольскій окружный судъ на прекращеніе за недоказанностью факта преступленія. И. д. судебного слѣдователя Любомудровъ».

6. Опредѣленіе ставропольскаго окружного суда:

«1898 года іюля 10 дня. Ставропольскій окружный судъ, по уголовному отдѣленію, выслушавъ: 1) докладъ члена суда Кованько по дѣлу по обвиненію дворянъ Ивана и Николая Безмѣновыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1681 ул. о нак., вступившему, по предложенію прокурора суда, на исполненіе ст. 277 уст. гр. суд., 2) постановление судебного слѣдователя 4-го участка Ставропольскаго уѣзда о необходимости прекращенія производства по этому дѣлу за недоказанностью факта преступленія и 3) заключеніе прокурора, и усматривая изъ дѣла, что постановленіе судебного слѣдователя вполне согласно съ обстоятельствами дѣла, на основаніи 277 ст. уст. угол. суд., опредѣляетъ: дѣло это дальнѣйшимъ производствомъ прекратить. Судебныя издержки, если таковыя окажутся, принять на счетъ казны». Подлинное за надлежащимъ подписомъ.

7. Актъ объ осмотрѣ дѣла Ставропольскаго окружнаго суда № 60 за 1899 г., по гражданскому отдѣленію, по иску Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка къ Ивану и Николаю Безмѣновымъ. Изъ этого осмотра выяснилось, что весь хлѣбъ, заложенный Безмѣновыми банку, былъ по разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ Владикавказскаго отдѣленія, передвинутъ въ Новороссійскъ, и тамъ проданъ распоряженіемъ отдѣленія, что весь долгъ Безмѣновыхъ уплаченъ отдѣленію и что часть платежей Безмѣновыхъ, оправдываемыхъ полученными ими квитанціями и счетами, въ книги отдѣленія оказалась не записанною.

Сверхъ оглашенія перечисленныхъ документовъ, Николаю Безмѣнову, согласно его ходатайству, судъ предоставилъ ссылаться на резолюцію Ставропольскаго окружнаго суда отъ 21-го сентября 1899 года, коею отказано отдѣленію въ искѣ къ Безмѣновымъ по поводу заложеннаго хлѣба, въ виду признанія судомъ погашенія долга Безмѣновыми, и на журналъ судебного пристава Васильева, веденный имъ при провѣркѣ хлѣба въ имѣніи Безмѣновыхъ 22-го августа 1899 года и при продажѣ того же хлѣба 29-го августа того же года.

Этимъ было закончено судебное слѣдствіе и было приступлено къ преніямъ сторонъ.

Представитель обвиненія, товарищъ прокурора г. Хмѣликовскій, началъ свою рѣчь заявленіемъ о томъ, что, по его мнѣнію, всѣ факты, которые поставлены въ вину подсудимымъ Безмѣновымъ обвинитель-

нымъ актомъ, вполне подтверждены на судебномъ слѣдствіи. Правда, въ показаніяхъ свидѣтелей, удостоверяющихъ эти факты, имѣются и разнорѣчія, и даже противорѣчія. Но эти разнорѣчія и противорѣчія не имѣютъ существеннаго значенія, такъ какъ касаются второстепенныхъ подробностей дѣла. Эти разнорѣчія находятъ достаточное объясненіе въ давности происшествія, детали котораго поэтому могутъ быть забыты свидѣтелями, а также въ томъ обстоятельстве, что во время происшествія 22-го августа 1899 г. вниманіе свидѣтелей было устремлено, естественно, на важнѣйшія событія, и поэтому свидѣтели легко могли проглядѣть или плохо замѣтить второстепенные факты. Такимъ образомъ, наличность разнорѣчій и противорѣчій въ показаніяхъ свидѣтелей не должна вызывать недовѣріе къ показаніямъ свидѣтелей относительно наиболѣе важныхъ сторонъ дѣла; а въ послѣднемъ отношеніи всѣ свидѣтели, выставленные обвиненіемъ, показываютъ совершенно согласно. Такимъ образомъ, относительно самаго существеннаго—сопротивленія Безмѣновыхъ, выразившагося въ томъ, что они не давали полиціи проникнуть въ хлѣбные амбары и толкали и наносили удары чинамъ полиціи, — въ показаніяхъ свидѣтелей нѣтъ никакихъ противорѣчій, и потому факты эти могутъ быть признаны установленными.

Обращаясь къ оцѣнкѣ установленныхъ слѣдствіемъ фактовъ, представитель обвиненія различаетъ въ дѣйствіяхъ Безмѣновыхъ, имѣвшихъ мѣсто въ день 22-го августа 1899 г., двѣ стороны, два элемента. Одна сторона дѣла можетъ вызывать только улыбку, — это, такъ сказать, комическій элементъ въ этой трагикомедіи. Гг. Безмѣновы, очевидно, вдохновившись примѣромъ буровъ, противодѣйствующихъ съ такимъ успѣхомъ несмѣтнымъ полчищамъ англичанъ*), задумали вдвоемъ оказать сопротивленіе цѣлой арміи полицейскихъ чиновъ. Соотвѣтственно этому комическому намѣренію, Безмѣновы и устроили на своемъ дворѣ даровой концертъ, собравшій множество зрителей изъ лежащихъ рядомъ съ ихъ усадьбою поселковъ. Безмѣновы исполняли свой концертъ то соло, то дуэтомъ, вопя «караулъ», «грабятъ», «разбойники» и т. п. Не обошлось дѣло и безъ дивертисмента, такъ какъ Иванъ Безмѣновъ счелъ нужнымъ прочесть собравшимся лекцію изъ уголовного права, вооружившись для этого уложеніемъ о нак. Все это, конечно, смѣшно, но эта смѣшная комическая сторона дѣла не должна закрывать предъ судомъ другой, важной стороны дѣла. Эта серьезная сторона дѣла состоитъ въ томъ, что сопротивленіе властямъ было оказано гг. Безмѣновыми предъ голою народа, что это преступленіе противъ порядка управленія имѣло мѣсто на глазахъ народа, на который оно не могло не произвести вліянія, и это вліяніе должно быть парализовано должнымъ возмездіемъ по отношенію къ виновнымъ. Въ виду этого представитель обвиненія, рассмотрѣвшій только что событія 22-го августа съ ихъ комической стороны, снова пересматриваетъ ихъ и указываетъ въ нихъ всѣ признаки преступнаго дѣянія, именуемаго сопротивленіемъ властямъ. При этомъ пред-

*) Кстати замѣтимъ, что господинъ представитель обвиненія впалъ здѣсь въ анахронизмъ: происшествія на хуторѣ Безмѣновыхъ имѣли мѣсто 22-го августа 1899 г., т. е. до войны буровъ съ англичанами. Стало быть острота г. представителя обвиненія никакъ не можетъ быть признана удачною, не говоря уже объ умѣстности подобныхъ шуточекъ въ обвинительной рѣчи по уголовному дѣлу.

ставитель обвинения снова просит доверія къ показаніямъ свидѣтелей обвинения, указывая на то, что эти свидѣтели нисколько не заинтересованы въ исходѣ дѣла и потому показываютъ съ полною искренностью лишь одну правду. Скорѣе можно сомнѣваться въ правдивости свидѣтелей защиты, такъ какъ всѣ они или работники, служащіе или служившіе у Безмѣновыхъ, или живущіе на ихъ земляхъ арендаторы-скупщики, т. е. люди зависимые отъ обвиняемыхъ. Тѣмъ не менѣе, и свидѣтели, выставленные обвиняемыми, подтвердили многія обстоятельства, которыя ставятся въ вину подсудимымъ. Одинъ изъ этихъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что Безмѣновы распахивали полицейскихъ, другіе показывали, что подсудимые кричали: «караулъ», «грабятъ», «разбойники», одинъ показалъ даже, что И. Безмѣновъ произнесъ слова: «атаманъ шайки разбойниковъ», что могло относиться, конечно, только къ помощнику исправника, какъ стоявшему во главѣ того полицейскаго отряда, который явился во дворъ Безмѣновыхъ. Если же свидѣтели обвиняемыхъ заявляютъ, что они не видѣли тѣхъ или иныхъ фактовъ, то это и неудивительно, такъ какъ эти свидѣтели, явившіеся на даровое комическое представленіе, дававшееся гг. Безмѣновыми въ ихъ усадьбѣ, были по распоряженію полиціи удалены со двора и потому, естественно, многого не могли видѣть.

Подсудимые однако, очевидно, и не будутъ отрицать тѣхъ фактовъ, которые поставяются имъ въ вину, а, судя по тому угрожающему арсеналу, въ видѣ разныхъ томовъ, которые они принесли въ судъ, они поставятъ вопросъ на принципиальную почву и будутъ доказывать, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто дозволенное закономъ сопротивленіе властямъ. Дѣйствительно, наши законы не воспрещаютъ безусловно сопротивленіе властямъ. Вообще самооборона нашимъ законодательствомъ допускается весьма широко, и ст. 101 улож. о нак. разрѣшаетъ даже при необходимой самооборонѣ лишить жизни нападающаго. Но, чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе нашихъ законовъ о самооборонѣ, необходимо предварительно разсмотрѣть, какъ относятся къ данному вопросу теорія уголовного права и иностранныя законодательства.

По вопросу о правѣ обывателей сопротивляться дѣйствіямъ власти существуетъ двѣ теоріи, два различныхъ взгляда. По одному взгляду, принятому, по мнѣнію обвинителя, въ законодательствахъ Западной Европы, власть всегда обладаетъ презумпціей законности, почему всякое сопротивленіе дѣйствіямъ власти считается незаконнымъ и потому наказуемымъ. По другой теоріи, принятой законодательствомъ Америки, обыватели имѣютъ полное право сопротивляться незаконнымъ дѣйствіямъ власти. Теорія уголовного права признаетъ оба эти взгляда крайними и потому несостоятельными. Для рѣшенія вопроса о томъ, имѣетъ ли право обыватель сопротивляться дѣйствіямъ власти, или такое сопротивленіе будетъ не правомѣрно и потому карасемо, необходимо разсматривать каждый разъ отдѣльный случай. Нельзя отрицать, что бывають случаи, когда сопротивленіе незаконнымъ дѣйствіямъ власти позволительно. Напримеръ, если какая нибудь власть вздумаетъ высѣчь женщину, тутъ сопротивленіе будетъ вполнѣ умѣстнымъ и законнымъ. Но если оказано сопротивленіе дѣйствіямъ судебного пристава, приводящаго въ исполненіе рѣшеніе суда, хотя бы и неправильное, въ подобномъ случаѣ сопротивленіе явится противозаконнымъ и наказуемымъ. Нужно различать два вида несправедливости въ дѣйствіяхъ властей: несправедливость сомни-

тельную и поправимую, и несправедливость явную, невыносимую и непоправимую. Высѣченной женщиной нанесена несправедливость непоправимая, и для избѣжанія этой непоправимой несправедливости женщина имѣла-бы полное право сопротивляться сѣченію. Точно также, если бы полиція взяла на себя обязанность судебного слѣдователя и стала производить судебное слѣдствіе, такому явно-незаконному дѣйствію полиціи можно сопротивляться. Иное дѣло, когда полиція хочетъ войти въ домъ частнаго лица: здѣсь сопротивленіе неумѣстно, такъ какъ зло, причиняемое дѣйствіями полиціи, хотя бы и незаконными, въ данномъ случаѣ, можетъ быть поправимо, ибо незаконныя дѣйствія полиціи могутъ быть обжалованы.

Обращаясь отъ этихъ общихъ разсужденій къ данному случаю, служащему предметомъ судебного разбирательства, представитель обвинения находитъ, что власти 22-го августа на хуторѣ Безмѣновыхъ поступали вполнѣ законно. Онѣ имѣли извѣстныя предписанія своихъ начальствъ и должны были ихъ выполнить. То обстоятельство, что Безмѣновы, какъ они утверждаютъ, расчитались съ государственнымъ банкомъ и не были ему должны, для настоящаго дѣла не имѣетъ никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло было судебному приставу и полиціи до расчѣтовъ Безмѣновыхъ съ банкомъ? Въ уставѣ государственнаго банка имѣется статья, которая предоставляетъ банку продавать заложенное ему имущество безъ суда, и потому судебный приставъ и полиція дѣйствовали вполнѣ законно, содѣйствуя представителю банка въ дѣлѣ продажи хлѣба Безмѣновыхъ, согласно указанной статьѣ. Безмѣновы не могли не понимать, что власти дѣйствовали въ данномъ случаѣ вполнѣ законно. Законность сопротивленія властямъ отдана на страхъ самихъ сопротивляющихся, и въ случаѣ незаконности сопротивленія приобѣтшіе къ нему и должны нести всю, закономъ установленную кару. У насъ полиція облечена разнообразною властью, и потому тѣмъ съ большею осторожностью долженъ сопротивляющійся ея требованіямъ относиться къ своимъ дѣйствіямъ, тѣмъ меньше можетъ быть случаевъ, когда такое сопротивленіе можетъ быть признано законнымъ. Такъ какъ агентъ банка и судебный приставъ предъявляли Безмѣновымъ свои полномочія, то у Безмѣновыхъ не было рѣшительно никакихъ основаній сомнѣваться въ законности дѣйствія властей и потому они сознательно шли на незаконное сопротивленіе. Но кромѣ ихъ личной виновности, нельзя не считаться и съ общественнымъ значеніемъ ихъ дѣянія. Наказаніе, которое должно быть наложено на нихъ, будетъ имѣть назидательное значеніе для среды. Вспомнимъ то возбужденіе, въ которомъ находились поселенные на землѣ Безмѣновыхъ хуторяне, вспомнимъ тѣ угрозы, которыя произносились Безмѣновыми по адресу властей съ ссылкой на силу, которую они могутъ пустить въ ходъ, пользуясь для того своими скопщиками-арендаторами. При такихъ условіяхъ оставленіе безъ наказанія дѣяній Безмѣновыхъ было бы небезопасно и въ общественномъ отношеніи. Въ виду этого, обвинитель, поддерживая вполнѣ обвиненіе, предъявленное къ Безмѣновымъ обвинительнымъ актомъ, просилъ приговорить ихъ къ тюремному заключенію.

Подсудимый Николай Безмѣновъ произнесъ длинную и горячую рѣчь, продолжавшуюся около двухъ часовъ. Рѣчь эта явилась большимъ сюрпризомъ для собравшейся въ залѣ судебныхъ засѣданій пуб-

лики. Дѣло въ томъ, что г. Н. Безмѣновъ—землевладѣлец Ставропольской губерніи, поглощенный крупнымъ хозяйствомъ. Рѣшительно никто изъ собравшихся послушать дѣло не ожидалъ, что онъ проявитъ такое обширное знакомство съ нашими законами и такое мастерство при изложеніи обстоятельствъ дѣла. Рѣчь г. Безмѣнова положительно обнаружила въ ея авторѣ природнаго оратора и тонкаго юриста. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ возможность привести здѣсь лишь существенныя части рѣчи г. Н. Безмѣнова, почему въ нашей передачѣ она потеряетъ много блеска, какимъ отличалась при произнесеніи въ судѣ.

«Обвинительный актъ ставитъ мнѣ въ вину мои дѣйствія, имѣвшія мѣсто 22-го августа 1899 года и состоявшія, будто бы, въ томъ, что я оказалъ сопротивление и нанесъ оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ разнымъ должностнымъ лицамъ, при исполненіи ими обязанностей службы, на нихъ закономъ возложенныхъ, — когда они прибыли въ мое имѣніе, на основаніи 107 ст. устава госуд. банка, для продажи заложеннаго во Владикавказскомъ отдѣленіи этого банка хлѣба, стоимостью до 12 тысячъ рублей. Посмотримъ же, насколько обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, подтверждаются дѣйствительностью.

«Самымъ существеннымъ пунктомъ настоящаго дѣла является вопросъ о томъ, существовалъ ли мой долгъ банку, существовалъ ли залогъ. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ разрѣшеніе и вопроса о законности дѣйствій властей, распорядившихся на моемъ хуторѣ 22-го августа 1899 года, а отсюда и вопросъ о моемъ правѣ противодѣйствовать этимъ дѣйствіямъ.

«На судебномъ слѣдствіи оглашенъ актъ осмотра гражданскаго дѣла по иску Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка ко мнѣ и къ И. Н. Безмѣнову, о неуплаченныхъ, будто бы, по ссудѣ деньгахъ. Изъ этого акта мы видимъ слѣдующее:

«По пяти ссудамъ за №№ 10, 60, 62, 63 и 102 въ августѣ 1894 г. было заложено нами Владикавказскому отдѣленію государственнаго банка 148.000 пуд. озимой пшеницы и 9.270 пудовъ льна. Взято было по этимъ пяти ссудамъ у отдѣленія: по 3 ссудамъ подъ пшеницу 44.400 рублей и по двумъ ссудамъ подъ ленъ 3.828 руб., всего 48.228 руб.

«Согласно шести разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ отдѣленія, вывезено въ новороссійскій элеваторъ 160.000 пуд. озимой пшеницы и 3.800 пуд. льна и, за погашеніемъ ссудъ за №№ 62 и 102 освобождено отъ залога, за полной уплатой полученныхъ ссудъ, 9.270 пуд. льна.

«Въ таблицѣ № 2, представленной въ судѣ Владикавказскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка, помѣщенъ расчетъ отдѣленія по ссудамъ за №№ 10, 60, 62, 63 и 102, и тамъ значится полученною въ уплату этихъ ссудъ сумма въ 43.997 рублей 43 коп. Но сверхъ этой суммы нами уплачено отдѣленію еще слѣдующія суммы, какъ то видно изъ осматрѣнныхъ слѣдователемъ и доложенныхъ суду квитанцій и счетовъ, 22 мая 1895 г. 1.000 руб.; 19 іюня 1896 г. 259 р. 18 к.; 15 іюня 1896 г. 652 р. 89 к.; 12 октября 1896 г. 414 р. 31 к.; 14 марта 1897 г. 390 р.; 24 мая 1897 г. 344 р. 74 к.; 9 декабря 1894 г. 180 руб., и 20 іюня 1896 г. 3.364 р. 24 к., а всего 5.867 р. 12 к. (При этомъ Н. Безмѣновъ ссылается на квитанціи Владикавказскаго отдѣленія госуд. банка и счета Новороссійскаго коммерческаго агентства, указывая ихъ номера).

«Прибавляя эту сумму къ показанной въ таблицѣ отдѣленія № 2 (43.997 р. 43 к.), находимъ, что отдѣленію нами уплачено 49.864 р. 55 к. При этомъ изъ разсмотрѣннаго дѣла видно, что отдѣленіе получило проценты впередъ. Такимъ образомъ, изъ указанныхъ документовъ не предположительно явствуетъ, что заложенный отдѣленію хлѣбъ, даже въ количествѣ большемъ, нежели сколько его было заложено, вывезенъ изъ нашего имѣнія, согласно разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ отдѣленія и что отдѣленіе получило 49.864 р. 55 к. вмѣсто занятыхъ у него 48.128 р., — иначе сказать, заложенный хлѣбъ вывезенъ изъ нашего имѣнія и долгъ уплаченъ полностью.

«Такой выводъ отнюдь ни для кого не можетъ являться новостью, такъ какъ еще въ 1898 г. судебный слѣдователь и Ставропольскій окружный судъ, какъ то видно изъ оглашенныхъ на судебномъ слѣдствіи по настоящему дѣлу документовъ (постановленіемъ судебного слѣдователя 4-го участка Ставропольскаго уѣзда 19 іюня 1898 г. и опредѣленія Ставропольскаго окружнаго суда отъ 10 іюля 1898 г.), пришли къ этому самому выводу. Причемъ то обстоятельство, что чины отдѣленія значительную часть полученныхъ отъ насъ платежей скрыли, присвоили или растратили, до насъ нисколько не относится, и дѣло самого банка имѣтъ въ своемъ распоряженіи добросовѣстныхъ агентовъ и ограждать себя отъ ихъ злоупотребленій, на что мною и было обращено вниманіе гражданскаго отдѣленія Ставропольскаго окружнаго суда въ засѣданіи его 21 сентября 1899 г. по иску къ намъ отдѣленія. Судъ согласился со мною, и, какъ видно изъ находящейся при настоящемъ дѣлѣ резолюціи его по иску отдѣленія къ намъ, отдѣленію въ этомъ искѣ отказано, и на него возложены судебныя издержки по дѣлу, въ размѣрѣ 440 руб.

«Изъ приведеннаго мною непререкаемо слѣдуетъ, что 22-го августа 1899 года хлѣба, заложеннаго отдѣленію, на нашемъ хуторѣ не было, и точно также и долгъ отдѣленію еще за-долго до этого былъ уплаченъ съ лихвой. А потому и выводъ обвинительнаго акта, будто агентъ государственнаго банка, г. Яхонтовъ, помощникъ исправника г. Прицкеръ и цѣлая армія полицейскихъ прибыли 22-го августа на нашъ хуторъ для продажи заложеннаго государственному банку хлѣба, на основаніи ст. 107 устава означеннаго банка, и встрѣтили сопротивление ихъ законнымъ требованіямъ, совершенно отпадаетъ, уничтожается, такъ какъ, повторяю, заложеннаго банку хлѣба на хуторѣ не было и требованіе такового хлѣба являлось совершенно незаконнымъ.

«Объ изложенныхъ обстоятельствахъ, за исключеніемъ рѣшенія гражданскаго отдѣленія Ставропольскаго окружнаго суда отъ 21-го сентября 1899 года, отказавшему въ искѣ Владикавказскому отдѣленію къ намъ, было хорошо извѣстно, какъ Ставропольскому губернскому начальству, такъ и всѣмъ главнымъ участникамъ событія 22-го августа: Яхонтову, какъ чиновнику отдѣленія, стоявшему въ курсѣ дѣла, лицу, посылавшему г. Прицкера, — изъ докладной записки, поданной мною начальнику губерніи, генералу Никифороки, переданной имъ губернскому правленію и оглашенной на судебномъ слѣдствіи, и изъ приложеннаго къ ней свидѣтельства Ставропольскаго окружнаго суда; помощнику исправника Прицкеру и приставу Фіалковскому, — изъ представленныхъ мною въ засвидѣтельствовавшихся копійхъ: постановленія судебного слѣдователя 4 уча-

стка Ставропольскаго уѣзда, отъ 19 іюня 1898 г. и опредѣленія Ставропольскаго окружнаго суда, отъ 10 іюля того же года, коими признано, что долгъ банку уплаченъ и заложеннаго хлѣба на хуторѣ Безмѣновыхъ нѣтъ; судебному приставу Васильеву — изъ надписи на его журналѣ о томъ же, составленной изъ моихъ словесныхъ заявленій, которыхъ, въ существѣ, ни г. Прицкеръ, ни г. Яхонтовъ, даже и не опровергали, говоря лишь, что они—власть и начальство, а мое дѣло—не разсуждать и повиноваться.

«Помимо изложеннаго, я былъ убѣжденъ и остаюсь при томъ же убѣжденіи, что всѣ прибывшіе на хуторъ 22-го августа, приступивъ къ взломамъ и насиліямъ, перестали быть при исполненіи обязанностей службы, закономъ на нихъ возложенныхъ, а ст. 107 устава государственнаго банка, указанная въ обвинительномъ актѣ, какъ основаніе закономѣрной и служебной дѣятельности прибывшихъ 22-го августа въ мое имѣніе лицъ, присваемаго ей смысла и значенія не имѣетъ, и установить сказанное не трудно.

«Статьи, аналогичныя ст. 107 уст. гос. банка, содержатся въ уставѣ каждаго кредитнаго учрежденія, трактуя о правѣ этихъ учрежденій, не обращаясь къ суду, продавать съ торговъ просроченный, но не выкупленный, залогъ.

«Но ни въ ст. 107 уст. госуд. банка, ни въ аналогичныхъ статьяхъ другихъ кредитныхъ учрежденій не содержится и не можетъ содержаться разрѣшенія для банка и его агентовъ розыскивать и отнимать дѣйствительный или воображаемый залогъ у лица, которое наличность такого долга отрицаетъ. Сопоставленіе ст. 107 уст. госуд. банка съ ст. 3 того же устава и точный смыслъ послѣдней не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что при заявленіи со стороны лица, руководствуясь закономъ, имѣютъ право только лишь составить протоколъ о «сокрытіи залога», для привлечения виновныхъ къ отвѣтственности по ст. 1684 улож. о нак. Но отыскивать скрытый залогъ, съ крикомъ «ура», бросаться на воображаемый найденный залогъ, разбивать для этого замки и причинять истязанія собственникамъ дѣйствительнаго, или воображаемаго, какъ въ данномъ случаѣ, залога,—ничего подобнаго ни ст. 107 уст. госуд. банка, ни какая другая не разрѣшаетъ. Такимъ образомъ, соображенія обвинительнаго акта и представителя обвиненія о томъ, что ст. 107 уст. госуд. банка давала «законное» позволеніе штурмовать нашъ хуторъ прибывшимъ на него властямъ, какъ совершенно неосновательное, падаетъ.

«Перейду, затѣмъ, къ вопросу о томъ, что представляли собой лица, принявшія 22-го августа прямое и косвенное участіе во взломѣ замковъ и причиненіи истязаній мнѣ и моему брату, а также къ вопросу о томъ, входило ли совершенное ими—и по обстоятельствамъ дѣла, и по ихъ служебному положенію, и по специальнымъ, даннымъ имъ порученіямъ,—въ кругъ ихъ должностныхъ, закономъ на нихъ возложенныхъ, обязанностей.

«Чиновникъ Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка, г. Яхонтовъ, говоритъ, что ему было поручено присутствовать на торгахъ заложеннаго отдѣленія хлѣба. Но разъ заложеннаго хлѣба не было, какъ это теперь установлено, то ему не при чемъ было и присутствовать. Но помимо того, если полномочія г. Яхонтова опирались на ст. 170 уст. госуд. банка, то, даже и внѣ обстоятельствъ даннаго дѣла, слу-

жебная командировка агента банка оканчивалась у воротъ моей усадьбы, разъ я, хозяинъ усадьбы, заявилъ ему, что заложеннаго отдѣленія банка хлѣба у меня нѣтъ. Если Яхонтовъ, какъ служащій въ Владикавказскомъ отдѣленіи государственнаго банка и потому знающій хорошо, что мои разсчеты съ отдѣленіемъ закончены, всетаки считалъ нужнымъ дѣлать видъ, будто онъ думаетъ иначе,—то онъ могъ потребовать отъ полиціи составленія протокола по 8 ст. уст. госуд. банка о сокрытіи мною залога. И этимъ функціи служебной командировки г. Яхонтова исчерпывались. Не остановившись за воротами моей усадьбы, ворвавшись во дворъ и амбары, вопреки волѣ ихъ собственниковъ, онъ пересталъ представлять изъ себя агента банка, несущаго обязанности службы, ибо принялъ участіе въ дѣйствіяхъ, службой на него не возложенныхъ и закономъ ему не предоставленныхъ, и во дворѣ хутора, куда онъ проникъ насильно, онъ уже долженъ разсматриваться не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, съ насиліемъ, вопреки волѣ хозяина, безъ законнаго основанія, нарушившее неприкосновенность частнаго жилища. При этомъ необходимо принять во вниманіе еще одно важное обстоятельство. По уставу государственнаго банка (ст. 118—119), о торгахъ на продажу залоговъ должно быть дѣлаемо оповѣщеніе владѣльцевъ тѣхъ залоговъ. Мною было получено оповѣщеніе о торгахъ на продажу заложеннаго мною хлѣба на 15-е августа. О торгахъ на 22-е августа мною указаннаго упомянутыми статьями госуд. банка оповѣщенія получено не было. Такимъ образомъ, если бы даже у меня и былъ хлѣбъ, заложенный банку, и тогда 22-го августа для продажи этого хлѣба въ мою усадьбу никто не имѣлъ права являться, и явившихся въ этотъ день чиновниковъ уже на одномъ этомъ основаніи, и я считалъ, и судъ долженъ считать—лишь въ качествѣ моихъ гостей, которыхъ я, однако, принять рѣшительно отказался, и ни въ какомъ случаѣ эти лица трактуемы какъ должностныя лица, находящіяся при исполненіи служебныхъ обязанностей, быть не могутъ.

«Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію роли другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ событіи 22-го августа, я позволю себѣ привести выдержку изъ журнала судебного пристава Васильева, которая броситъ значительный свѣтъ на дѣятельность этихъ лицъ и значеніе этой дѣятельности. Вотъ эта выдержка:

«Дворянинъ Николай Николаевичъ Безмѣновъ заявилъ, что хлѣбъ, находящійся въ амбарахъ, взломъ которыхъ собираются сдѣлать, въ залогъ государственнаго банка не состоитъ и не состоялъ, что ссуда банку уплачена уже полностью, что ссуда была взята съ 1894 г. подъ залогъ урожая 1891 г., 1892 г., 1893 г., хлѣбъ же въ амбарѣ урожая съ 1895—1899 гг. включительно. Ссуда была взята подъ залогъ озимой пшеницы, а не ярового и другого хлѣба. Хлѣбъ, находящійся въ амбарахъ, принадлежитъ мнѣ, Николаю Безмѣнову, брату Ивану и матушкѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая никогда ссуды въ отдѣленіи банка не брала. Постановленіемъ судебного слѣдователя 4-го участка Ставропольскаго уѣзда признано, что ссуда банку окончательно нами погашена и заложеннаго хлѣба въ имѣніи не состоитъ, и это постановленіе слѣдователя согласно заключенію г. прокурора, утверждено Ставропольскимъ окружнымъ судомъ». Далѣе въ журналѣ судебного пристава идетъ перечень хлѣбовъ, найденныхъ въ амбарахъ, на которыхъ были взломаны поли-

цей замки. Въ амбарѣ № 1-й найденъ голый ячмень, въ №№ 2, 3, 8—суржа, въ №№ 7 и 13—ленъ, въ №№ 2 и 8—гирка, № 4—сурѣпа, въ №№ 9 и 15—ленъ, въ №№ 10 и 14—гирка, въ №№ 14 и 13—суржа, и ни въ одномъ амбарѣ не оказалось озимой пшеницы.

«Позволю себѣ привести и еще одну выдержку изъ журнала судебного пристава, чтобы уже болѣе не возвращаться къ нему. Выдержка эта покажетъ, какъ широко и своеобразно понимали чины полиціи возложенное на нихъ порученіе «оказать содѣйствіе» при торгахъ агенту банка.

«По окончаніи торговъ на продажу 1,450 пуд. пшеницы-гирки, было предложено купить 1,500 пуд. льна, находящагося въ амбарѣ № 7 и 3. Одинъ изъ покупателей, Германъ, заявилъ, что желаетъ купить партію льна въ 750 пудовъ, а партію въ 1,500 пудовъ не желаетъ. Г. помощникъ исправника Н. С. Прицкеръ предложилъ покупателямъ купить всю партію, а затѣмъ подѣлить».

«Фактъ этотъ, конечно, мелкій, но характерный, показывающій, какъ старалась полиція, во что бы то ни стало, продать нашъ хлѣбъ и тѣмъ причинить намъ всевозможные убытки.

«Теперь обратимся къ выясненію характера и значенію дѣйствій должностныхъ лицъ, явившихся 22-го августа на нашъ хуторъ. Мы уже разсмотрѣли роль представителя банка, г. Яхонтова. Въ какомъ качествѣ явился на хуторъ судебный приставъ г. Васильевъ? Какъ онъ объяснилъ на судебномъ слѣдствіи, онъ былъ командированъ и. д. предсѣдателя Ставропольскаго окружнаго суда, примѣнительно къ ст. 744 торг. уст. (законъ о товарныхъ складахъ). Иначе говоря, какъ онъ и объяснилъ суду, онъ замѣнялъ собою маклера государственнаго банка и его роль ограничивалась ролью аукціониста. Ясно, что согласно точному смыслу указанной статьи закона, онъ могъ производить торгъ только по отношенію къ хлѣбу, находящемуся въ несомнѣнномъ распоряженіи и обладаніи отдѣленія государственнаго банка. Вотъ предѣлы его служебной командировки. Между тѣмъ г. Васильевъ видѣлъ, что ворота хутора и амбары взламывались Прицкеромъ и Яхонтовымъ, вопреки моей воли, и что хлѣбъ и послѣ этого оставался въ моемъ распоряженіи и обладаніи, такъ какъ и во время нахождения Прицкера со свитой въ амбарѣ, я сидѣлъ на закромѣ съ хлѣбомъ и взывалъ о помощи. Словомъ, въ дѣлѣ были всѣ признаки, по которымъ г. Васильевъ видѣлъ, что хлѣбъ находится въ моемъ распоряженіи и обладаніи, и что Яхонтовъ, содѣйствуемый Прицкеромъ и многочисленной его свитой, въ глубокое нарушеніе ст. 531 X т. зак. гражд., въ силу которой «всякое даже незаконное владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому и сдѣланы надлежащія, по закону о передачѣ онаго, распоряженія», силится отнять его у меня. Очевидно, что г. Васильевъ, явившійся не для исполненія судебного рѣшенія, а со специальной командировкой, предѣлы которой должны были ограничиваться указаніями ст. 744 уст. торгов., могъ бы лишь касаться до хлѣба, принадлежащаго отдѣленію и въ его фактическомъ владѣніи находящагося, но онъ не имѣлъ ни законнаго права, ни логическаго основанія и вопреки моей воли, ясно выраженной и ему извѣстной, какъ видно то изъ приведенной мною выписки изъ его журнала, измѣрять, осматривать и потомъ продать имущество, при-

надлежащее мнѣ и въ моемъ фактическомъ владѣніи находящееся. Очевидно, что, совершая все это и съ самаго начала входя во дворъ чрезъ взломанныя ворота, г. Васильевъ уже пересталъ нести служебныя обязанности, которыми ему вмѣнено было произвести продажу хлѣба, состоявшаго въ распоряженіи и обладаніи отдѣленія банка (ст. 744 торг. уст.), но не хлѣба, принадлежащаго мнѣ и въ моемъ обладаніи находящагося. Ясно, что во дворѣ и въ амбарахъ, послѣ взлома замковъ, г. Васильевъ находился уже никакъ не на основаніи ст. 744 уст. торг., а по какимъ либо другимъ соображеніямъ и основаніямъ, почему дѣйствія его во дворѣ и амбарахъ должны быть трактуемы не какъ дѣйствія чиновника, находящагося при исполненіи обязанностей службы, а какъ дѣйствія частнаго лица, за которыя онъ и долженъ нести соотвѣтствующую отвѣтственность.

«Относительно служебныхъ функцій г. Прицкера (помощника исправника) нужно прежде всего замѣтить, что ничѣмъ въ дѣлѣ не установлено, что 22-го августа 1899 года онъ имѣлъ какое либо предписаніе отъ губернскаго начальства для пріѣзда его на нашъ хуторъ. Показаніями его, Васильева и Яхонтова непреложно установлено, что этого предписанія 22-го августа 1899 года никто не видалъ. Собственные показанія г. Прицкера не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что никакого предписанія у г. Прицкера 23-го августа не было. Правда, когда возникло настоящее дѣло, и слѣдователь затребовалъ копію предписанія, таковая была представлена слѣдователю и въ дѣлѣ имѣется, но откуда она взялась, меня это, конечно, не касается. Если бы г. Прицкеръ имѣлъ предписаніе и 22-го августа, онъ не давалъ бы по этому пункту такихъ разнорѣчивыхъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ объясненій. Въ самомъ дѣлѣ, онъ то, говоритъ, что не показалъ предписанія мнѣ потому, что не хотѣлъ и не находилъ нужнымъ, такъ какъ полиція не обязана показывать своихъ полномочій, то заявляетъ, что не показывалъ потому, что я съ самаго начала заявилъ, что вижу въ немъ лишь частное лицо, то, наконецъ, сообщаетъ, что онъ будто бы забылъ предписаніе въ дѣлахъ полицейскаго управленія. Какое значеніе могутъ имѣть эти объясненія, да еще разомъ цѣлыхъ три? Забыть бумагу, въ силу которой Прицкеръ собирался въ экспедицію, онъ, конечно, никакъ не могъ. То обстоятельство, что я заявилъ г. Прицкеру, что смотрю на него, какъ на частнаго посѣтителя моего дома, могло только побудить его предъявить свои полномочія, чтобы показать, что онъ явился не въ качествѣ гостя ко мнѣ, а по дѣламъ службы. Что же касается соображенія г. Прицкера, будто полиція, по своей службѣ, не обязана предъявлять своихъ полномочій, то оно и неправдиво, и совершенно неправильно. Въ своей обычной дѣятельности полиція основывается на положительномъ законѣ, знаніе котораго обязательно для всѣхъ, и потому въ такихъ случаяхъ, конечно, полиція не имѣетъ надобности предъявлять своихъ уполномочій. Совсѣмъ иное положеніе дѣла, когда полиція получаетъ специальное или «особое» порученіе. Тутъ уже знаніе существа этого особаго порученія, или даже самаго существованія его, разумѣется, для обывателя не обязательно, да и въ большинствѣ случаевъ невозможно, такъ какъ оно, это «особое порученіе», не представляетъ изъ себя закона, хотя, конечно, на практикѣ довольно часто такими «особыми порученіями» отмѣняются существующіе законы. И вотъ существованіе такого порученія

и его свойства и определяются подлиннымъ предписаніемъ, предъявленіе котораго поэтому является безусловно обязательнымъ, такъ какъ иначе обыватель и не можетъ быть оповѣщенъ относительно—какъ существованія, такъ и свойствъ и предѣловъ особаго порученія, возложеннаго на чиновника, въ томъ числѣ и полицейскаго. Но этого-то г. Прицкеръ и не сдѣлалъ, даже и тогда, когда, въ виду его незаконныхъ дѣйствій, я выразилъ сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ находится на службѣ. Очевидно, что г. Прицкеръ не предъявилъ мнѣ своего полномочія не по тѣмъ страннымъ и одно другому противорѣчающимъ соображеніямъ, которыя онъ приводитъ, а единственно потому, что никакого полномочія у него не было, никакого предписанія онъ не получалъ.

«Но допустимъ, что то предписаніе, которое г. Прицкеръ въ копіи представилъ, по возникновеніи настоящаго дѣла въ концѣ сентября, дѣйствительно существовало и 22-го августа, лежа въ карманѣ г. Прицкера или будучи «забыто» имъ въ полицейскомъ управленіи. Что же поручало ему это предписаніе губернскаго начальства, на какія дѣйствія уполномочивало его? Въ этомъ краткомъ предписаніи, оглашенномъ на судебномъ слѣдствіи, говорится лишь о томъ, что г. Прицкеру поручается *лично* присутствовать при торгахъ на хлѣбъ въ имѣніи Безмѣновыхъ и оказать содѣйствіе агенту банка при этихъ торгахъ. Въ предписаніи, такимъ образомъ, ни однимъ словомъ не поручается г. Прицкеру собрать со всего уѣзда полицейскія силы и направить ихъ въ наше имѣніе. Напротивъ, въ текстѣ предписанія прямо помѣщено выраженіе «лично», исключающее всякое право г. Прицкера являться въ наше имѣніе на торги во главѣ цѣлой арміи изъ станovýchъ, урядниковъ и сельскихъ полицейскихъ и волостного старшины. При этомъ не могу не отмѣтить того факта, что волостныя власти приведены г. Прицкеромъ въ наше имѣніе не только безъ предписанія на то его начальства, но и въ прямое нарушение примѣчаній къ ст. 62 и 82 общаго положенія о крестьянахъ (особое приложение къ IX т.), по силѣ которыхъ изъ компетенціи волостного начальства я безусловно изымаю, какъ дворянинъ и помещикъ. Далѣе, въ предписаніи, копія котораго фигурируетъ въ настоящемъ дѣлѣ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на порученіе ломать замки, наносить оскорбленія и производить насилія, граничащія съ истязаніями. По точному смыслу предписанія объ оказаніи содѣйствія г. Яхонтову при торгахъ, явствуетъ, что г. Прицкеру поручалось оказать законное содѣйствіе въ предѣлахъ исключительно торгова, назначеннаго по ст. 744 уст. торг., т. е. наблюдать за порядкомъ при производствѣ торгова, устранять стачки торгующихся и т. д. Но г. Прицкеръ, съ одной стороны, совершилъ цѣлый рядъ дѣяній, которыя никоимъ образомъ поддержаніемъ порядка при торгахъ нельзя назвать (взломъ замковъ, насиліе надъ собственниками имущества и т. д.), а съ другой, какъ видно изъ прочитанной мною выдержки изъ журнала судебного пристава Васильева, не только не противодѣйствовалъ стачкѣ торгующихся, но самъ рекомендовалъ имъ стачку.

«Само собой разумѣется, что если бы г. Прицкеръ и получилъ предписаніе на совершеніе тѣхъ дѣйствій, которыя онъ выполнялъ на нашемъ хуторѣ 22-го августа, предписаніе это, какъ противозаконное, онъ не долженъ былъ исполнять, такъ какъ оно является недѣйствительнымъ за силою ст. 393 и 403 улож. о нак. Но, какъ я, надѣюсь, достаточно ясно доказалъ, что г. Прицкеръ не имѣетъ никакого основанія прикрывать свои

дѣйствія ссылкой на предписаніе, которое не уполномочивало г. Прицкера на взломъ замковъ и другія дѣйствія, а предписывало лишь г. Прицкеру лично присутствовать при торгахъ.

«Такимъ образомъ, и вся та полицейская армія, которая явилась въ наше имѣніе съ г. Прицкеромъ безъ законнаго на то основанія и по личному его желанію и, вмѣшалась въ дѣло, которое было поручено лишь г. Прицкеру, не можетъ разсматриваться, при совершеніи ею взломовъ и насилій, состоявшею при исполненіи служебныхъ обязанностей или даже при исполненіи «особаго служебнаго порученія». Посему, очевидно, что лица, входившія въ составъ этой арміи, могутъ разсматриваться лишь какъ частныя лица, совершившія частныя дѣянія, и за произведенные ими взломы и насилія должны понести соотвѣтственную, указанную въ законѣ, кару.

«И такъ, падаетъ и то положеніе обвинительнаго акта, по которому г. Прицкеръ и прочіе чины полиціи, равно какъ и гг. Яхонтовъ и Васильевъ, находились при исполненіи служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ, такъ какъ это положеніе явно противорѣчитъ дѣйствительному положенію дѣла.

«Что касается утвержденія обвинительнаго акта, будто я нанесъ оскорбленіе словомъ и дѣйствіями должностнымъ лицамъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, то послѣ сказаннаго я могу остановиться на этомъ обвиненіи лишь кратко. Насколько мало можно было считать гг. Прицкера, Яхонтова и прочихъ, дѣйствовавшихъ на хуторѣ моемъ 22-го августа, состоявшими при исполненіи служебныхъ обязанностей, я достаточно это выяснилъ и къ этому вопросу не буду обращаться. Но и фактическая сторона даннаго обвиненія совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мнѣ ставятъ въ вину, что я будто бы ударилъ г. Прицкера по рукѣ. Но, удивительное дѣло! рѣшительно никто, кромѣ г. Прицкера этого удара не видѣлъ; не видѣли его даже тѣ четверо полицейскихъ, которые держали меня въ тотъ самый моментъ, когда я будто бы ударилъ г. Прицкера. Я полагаю, не будетъ ошибочнымъ отнести этотъ ударъ къ числу явленій отнюдь не реальнаго свойства, а лишь воображаемыхъ. Удары сельскимъ полицейскимъ тоже оказались на судебномъ слѣдствіи болѣе чѣмъ сомнительными. Выяснилось только, что я вырывался изъ рукъ державшихъ меня и протискивался сквозь нихъ. Неужели такія дѣйствія также могутъ быть трактуемы въ качествѣ скоробительныхъ для должностныхъ лицъ? То, что я называлъ грабежъ—грабежомъ едва ли можетъ быть признано за оскорбленіе. Не я выдумалъ этотъ терминъ. Я взял его изъ уложенія о наказаніяхъ, къ защитѣ котораго я и братъ прибѣгли противъ насильственныхъ дѣйствій. Неужели запрещено даже ссылаться на законъ и содержащіяся въ немъ выраженія? Наконецъ, что касается утвержденія, будто бы я убѣждалъ низшихъ полицейскихъ властей не повиноваться ихъ начальству и говорилъ, что во время бунтовъ въ Михайловкѣ и другихъ селеніяхъ пострадали низшіе чины полиціи, а старшіе остались безнаказанными, то, для установленія полной вздорности показаній по этому вопросу чиновъ полиціи, достаточно указать на то, что въ Михайловкѣ и другихъ упомянутыхъ селеніяхъ никакіе чины полиціи, ни высшіе, ни низшіе, не пострадали, и ссылаться на эти случаи мнѣ прямо не было смысла.

«Въ виду изложеннаго мною, обвиненіе въ сопротивленіи властямъ

и въ оскорбленіи ихъ, при исполненіи ими обязанностей службы, падаетъ само собою,—такъ какъ изъ приведеннаго мною видно, что дѣйствія помощника исправника Прицкера и его свиты, начиная со взлома замка на воротахъ хутора, являлись не только не служебными, но явно противозаконными, такъ какъ г. Прицкеру было извѣстно о судебномъ опредѣленіи, признавшемъ отношенія наши съ Владикавказскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка ликвидированными. Г. Прицкеръ знаетъ, что нашъ долгъ отдѣленію уплаченъ, и хлѣба, заложенаго отдѣленію, на нашемъ хуторѣ нѣтъ. Не можетъ служить г. Прицкеру оправданіемъ и предписаніе г. и. д. Ставропольскаго губернагора, г. Ключарева, такъ какъ въ немъ нѣтъ распоряженій на то, что совершилъ г. Прицкеръ 22-го августа на моемъ хуторѣ. Не можетъ служить оправданіемъ ему и то, что онъ будто бы дѣйствовалъ по указанію г. Яхонтова, такъ какъ лишь законныя требованія г. Яхонтова могли бы быть имъ исполняемы, но отнюдь не всякія требованія. Законъ караетъ лишь неисполненіе законныхъ требованій законныхъ властей. Въ данномъ же дѣлѣ, какъ вы, гг. судьи, видите, требованія и дѣйствія главы полицейскаго отряда, явившагося на мой хуторъ, были не только не законны, но прямо являлись закононарушеніемъ. Полиція, обязанная охранять обывателей и ихъ имущество отъ обидъ и расхищеній, забыла эту прямую свою обязанность, разгромила цѣлый хуторъ, учинила насиліе надъ личностью собственниковъ, взявъ въ основаніе своихъ дѣйствій не законъ, а произволъ и личныя отношенія. Неужели и такого рода дѣйствіямъ полиціи я не имѣлъ права оказать сопротивленіе.

«Представитель обвиненія допускаетъ, что бываютъ случаи, когда обыватель имѣетъ законное право оказать сопротивленіе незаконнымъ дѣйствіямъ властей, но онъ суживаетъ это право до такой степени, что оно теряетъ всякое реальное значеніе. Но даже при такомъ суженномъ толкованіи права, предоставленнаго закономъ намъ, обывателямъ, оказывается, что мои дѣйствія, имѣвшія мѣсто 22-го августа, являются вполне законными. Въ самомъ дѣлѣ, представитель обвиненія полагаетъ, что сопротивленіе властямъ возможно при наличности явно-противозаконныхъ дѣйствій власти, причинающихъ при томъ непоправимое зло. Оба эти признака и имѣютъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Съ одной стороны, дѣйствія властей 22-го августа были, какъ это достаточно выяснено, вопіюще-беззаконными, а съ другой — мнѣ этими дѣйствіями причинено именно непоправимое зло. Меня, правда, не высѣкли, какъ женщину въ примѣрѣ г. представителя обвиненія; но мнѣ изуродовали палець, и я теперь не владю имъ,—развѣ это не непоправимое зло? Далѣе, благодаря тому, что у меня былъ совершенно незаконно отнятъ хлѣбъ, приготовленный мною на сѣмена, я былъ лишень возможности обрѣсти свои поля и потерпѣлъ невознаградимый уронъ. Кто вознаградитъ меня за понесенные убытки? Развѣ это также не непоправимое зло? Но, вѣдь, надо помнить, что теорія непоправимаго зла, какъ основанія для права обывателя оказывать сопротивленіе поступкамъ представителей власти, создана только г. представителемъ обвиненія. Если же обратиться къ нашимъ авторитетнымъ юристамъ, то у нихъ мы найдемъ взгляды на этотъ предметъ совсѣмъ иного рода. Возьмемъ для примѣра курсъ уголовного права такого авторитетнаго юриста, какъ Таганцевъ, мнѣніе котораго особенно важно потому, что онъ не только уче-

ный юристъ, но и судья, и притомъ высшій кассационный судья. (Далѣе г. Н. Безмѣновъ читаетъ соответствующее мѣсто изъ «курса»). Какъ вы, гг. судьи, видите, г. Таганцевъ совсѣмъ иного мнѣнія по вопросу, нежели представитель обвиненія. Ученый и судебный авторитетъ признаетъ обязательнымъ для обывателя повиновеніе лишь тѣмъ дѣйствіямъ властей, которыя основаны на законѣ, являются вполне законными, и лишь сопротивленіе такого рода дѣйствіямъ власти признается наказуемымъ. Иное дѣло дѣйствія представителей власти, не основанныя на законѣ, и тѣмъ болѣе противозаконныя: имъ отнюдь не обязательно повиноваться и позволительно сопротивляться. Ни о какомъ поправимомъ или непоправимомъ злѣ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Все дѣло сводится къ законности или незаконности дѣйствій представителей власти. И такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствія властей были совершенно противозаконны, то ясное дѣло, что я имѣлъ полное право сопротивляться такимъ дѣйствіямъ, защищая свою личность и свое имущество.

«Такимъ образомъ я имѣлъ полное право оказать вполне активное сопротивленіе лицамъ, явившимся ко мнѣ 22-го августа для отобранія у меня мнѣ принадлежащаго хлѣба безъ всякихъ законныхъ поводовъ и основаній, и если бы я оказалъ такое сопротивленіе, оно было бы совершенно ненаказуемо. Но обратите вниманіе, гг. судьи, на роль, какую я игралъ 22-го августа. Неужели мое поведеніе имѣетъ хоть малѣйшій признакъ «сопротивленія»? На судебномъ слѣдствіи вполне установлено, что я сохранялъ все время совершенно пассивное положеніе. Я старался лишь защитить отъ расхищенія свое достоинство. Я наложилъ на замокъ руку, дабы предохранить его отъ взлома, меня схватили и потащили; я, конечно, старался освободиться отъ незаконнаго насилія. Меня не пускали въ мой собственный амбаръ, гдѣ происходило перемѣриваніе моего хлѣба, при чемъ я, конечно, со всѣхъ точекъ зрѣнія имѣлъ право присутствовать;—естественно, что я, устраняя съ дороги препятствовавшихъ мнѣ, вошелъ въ амбаръ, и сѣлъ на закомъ, продолжая охранять свое добро. Когда мнѣ угрожало грубѣйшее насиліе—моей личности и моему имуществу, я, естественно, взывалъ о помощи и кричалъ «караулъ» и указывалъ г. Прицкеру и его свитѣ, что ихъ дѣйствія представляютъ полный составъ преступленій, предусматриваемыхъ уложеніемъ о наказаніяхъ и именуемыхъ тамъ грабежомъ и разбоемъ, и дѣлалъ это съ единственной цѣлью остановить и образумить лицъ, посягавшихъ незаконно на разгромъ и на захватъ моего имущества. Я ни разу не перешелъ къ активному охраненію своего достоинства, хотя ст. 101 улож. о нак. и давала мнѣ на то право. Приписываемыя мнѣ бранныя слова не подтвердились на судебномъ слѣдствіи. Да и не въ моихъ правилахъ обращаться къ подобнымъ выраженіямъ. Къ тому же я и не могъ питать какихъ либо злобныхъ чувствъ къ полицейскимъ крестьянамъ, которыхъ я будто бы оскорбилъ. За что я могъ озлобиться на нихъ, когда я отлично понималъ ихъ пассивную роль? Достаточно напомнить суду фактъ, который установленъ здѣсь на судебномъ слѣдствіи,—что никто иной, какъ я, накормилъ этихъ бѣдныхъ крестьянъ, которые проголодались, исполняя порученные имъ взломы и прочія дѣянія, и были оставлены голодать властями, удалившимися послѣ взлома на хуторъ Глущенко подкрѣплять свои силы.

«Г. представитель обвиненія требуетъ моего обвиненія въ общественныхъ интересахъ. И я, именно въ этихъ интересахъ, въ интересахъ под-

держанія законности въ нашей жизни и обузданія произвола и насилія, прошу о полномъ оправданіи. Но мнѣ оправданія мало: и я прошу судъ меня оправдать, а о противозаконныхъ дѣйствіяхъ г. Прицкера и прочихъ сообщить кому слѣдуетъ для возбужденія противъ нихъ уголовного преслѣдованія.

Подсудимый Иванъ Безмѣновъ произнесъ также длинную рѣчь. Къ сожалѣнію, записать ее не было никакой возможности. Г. Безмѣновъ до такой степени волновался, что каждую минуту можно было ожидать, что съ нимъ случится истерическій припадокъ. Въ одной части его рѣчи судъ вынужденъ былъ даже сдѣлать перерывъ, чтобы дать ему возможность успокоиться. Воспоминаніе о пережитомъ 22-го августа, заставляло г. Безмѣнова буквально дрожать, и въ голосѣ его все время слышались сдержанные рыданія. Благодаря этому, рѣчь г. Безмѣнова была крайне несистематична и отрывочна. Можемъ отмѣтить только, что г. И. Безмѣновъ во всемъ присоединялся къ своему брату, развивая и подчеркивая особенно отдѣльные пункты защиты. Сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ произвела та часть рѣчи г. И. Безмѣнова, въ которой онъ сообщалъ о томъ, какъ кричали нѣсколько его маленькихъ дѣтей, когда его мяла и давила подлужина полицейскихъ чиновъ. Это обстоятельство, конечно, страшно дѣйствовало на подсудимаго, и онъ кричалъ, не помня себя и не понимая даже, что собственно онъ произноситъ. Этотъ то моментъ г. представитель обвиненія нашелъ возможнымъ изобразить, какъ нѣчто комическое, какъ «даровой концертъ», устроенный И. Безмѣновымъ, противъ чего послѣдній горячо и съ достоинствомъ протестовалъ. И. Безмѣновъ также просилъ судъ о полномъ оправданіи.

Правомъ послѣдняго слова воспользовался только Н. Безмѣновъ, сказавшій лишь слѣдующія слова: «Прошу судъ о правосудіи». Судъ на свое разрѣшеніе поставилъ слѣдующіе вопросы:

1. Виновенъ ли подсудимый потомственный дворянинъ Николай Безмѣновъ, 39 лѣтъ, въ томъ, что 22-го августа 1899 г. въ имѣніи своемъ «Николина Пристань», Ставропольскаго уѣзда, оказалъ чинамъ полиціи, судебному приставу Васильеву и чиновнику Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка Яхонтову, при исправленіи ими обязанностей службы, сопровождавшееся насильственными дѣйствіями сопротивленіе, развившееся въ томъ, что когда чиновникъ Яхонтовъ, по порученію Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка, судебный приставъ Васильевъ—по порученію председателя Ставропольскаго окружнаго суда, и помощникъ исправника Прицкеръ и другіе чины полиціи—по порученію Ставропольскаго губернатора, прибыли въ сказанное имѣніе «Николина Пристань», для продажи съ публичныхъ торговъ, принадлежащаго подсудимому Николаю и брату его Ивану Безмѣновымъ зернового хлѣба, хранившагося въ амбарахъ Безмѣновыхъ, то онъ, подсудимый, съ цѣлью не допустить поименованныхъ должностныхъ лицъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ порученій, отказался отпереть замки какъ на воротахъ, ведущихъ въ дворъ, гдѣ находились амбары съ хлѣбомъ, такъ и на амбарахъ, гдѣ находился хлѣбъ, отталкивая полицейскихъ служителей отъ сказанныхъ воротъ и амбаровъ, ударилъ помощника исправника Прицкера кулакомъ по рукѣ и толкнулъ полицейскаго служителя Герасима Ласкова кулакомъ въ грудь?

2. Виновенъ ли подсудимый дворянинъ Иванъ Безмѣновъ, 40 лѣтъ,

въ преступленіи, означенномъ въ первомъ вопросѣ, причемъ сопротивленіе со стороны подсудимаго выразилось въ томъ, что онъ отталкивалъ, съ обозначенной въ первомъ вопросѣ цѣлью, отъ воротъ и амбаровъ полицейскихъ служителей и толкнулъ рукою въ грудь полицейскаго сотскаго Прокофія Козлитина?

3. Виновенъ ли подсудимый Николай Безмѣновъ въ томъ, что въ означенное въ первомъ вопросѣ время и мѣстѣ, оскорбилъ ругательными словами, бывшихъ при исполненіи службы—чиновника Владик. отд. госуд. банка Яхонтова, судебного пристава Васильева, станового пристава Фіалковскаго, станового пристава Васильчикова, помощника Ставропольскаго исправника Прицкера, волостного старшину Нѣшту, полиц. урядниковъ Дехтера и Цыбина и полицейскихъ сотскихъ Козлитина, Требуху, Зиборова и Ласкова, назвавъ ихъ разбойниками и грабителями и, сверхъ того, Прицкера атаманомъ разбойниковъ, а Нѣшту, Дехтера, Цыбина, Козлитина, Требуху, Зиборова и Ласкова—ослами и дураками?

4. Виновенъ ли подсудимый Иванъ Безмѣновъ въ томъ, что въ означенное въ первомъ вопросѣ время и мѣстѣ оскорбилъ ругательными словами (тѣхъ же лицъ, что и въ третьемъ вопросѣ), назвавъ ихъ всѣхъ разбойниками и грабителями, и, сверхъ того, Прицкера—атаманомъ шайки разбойниковъ, а Нѣшту, Дехтера, Цыбина, Козлитина, Требуху, Зиборова и Ласкова—ослами и дураками?

5. Если подсудимые виновны, то какому подлежатъ наказанію?

Подсудимый Николай Безмѣновъ просилъ дополнить поставленные вопросы нижеслѣдующими или соотвѣтственно измѣнить вопросы, поставленные судомъ:

1. Доказано ли, что Безмѣновы о торгѣ, назначенномъ на 22-го августа 1899 года, были установленнымъ ст. 118 и 119 уст. госуд. банка порядкомъ оповѣщены?

2. Доказано ли, что Безмѣновымъ о специальной командировкѣ Прицкера, по распоряженію и. д. губернатора, было Прицкеромъ предъявлено предписаніе?

3. Доказано ли, что онъ имѣлъ таковое при себѣ?

4. Доказано ли, что хлѣбъ, насильственно отнятый чинами полиціи и Яхонтовымъ и проданный Васильевымъ, состоялъ въ залогѣ Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка?

5. Доказано ли, что требованіе открыть ворота и амбары съ хлѣбомъ, послѣ моего заявленія, что заложеннаго отдѣленію хлѣба на хуторѣ нѣтъ, основано на законѣ?

6. Доказано ли, что полиція, уѣздная и сельская, вскрывая амбары, съ насиліемъ надъ личностью Безмѣновыхъ, была при исполненіи обязанностей службы, въ учрежденіяхъ ихъ должностей указанныхъ?

7. Доказано ли, что Безмѣновы оказали противодѣйствіе чинамъ уѣздной и сельской полиціи при насильственномъ открытіи ею амбаровъ съ хлѣбомъ и воротъ въ имѣніи Безмѣновыхъ и что при этомъ Безмѣновы старались вырваться, когда ихъ схватили и держали, кричали «караулъ», «разбой», «грабежъ», «душать», и если доказано, то, согласно ст. 101 улож. о нак., совершившееся подлежитъ ли вмѣненію въ вину?

Судъ нашелъ излишнимъ дополнять поставленные имъ себѣ вопросы или принимать вопросы, предложенные Безмѣновымъ. Затѣмъ, судъ удался для совѣщаній.

Возвратившись въ залу судебныхъ засѣданій, судъ объявилъ резолюцію, которою Н. и И. Безмѣновы признаны виновными по всѣмъ вопросамъ пунктамъ, — въ явномъ сопротивленіи властямъ съ насиліемъ и оскорбленіи властей дѣйствіемъ и словами и присуждены къ аресту при тюрьмѣ на три недѣли каждый.

7-го марта 1901 года въ уголовномъ департаментѣ Тифлисской судебной палаты разсматривалось въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло дворянъ Николая и Ивана Безмѣновыхъ по обвиненію ихъ въ сопротивленіи властямъ, соединенномъ съ насиліемъ и оскорбленіемъ.

Разсмотрѣвъ апелляціонные протестъ товарища прокурора Ставропольскаго окружнаго суда, который настаивалъ на усиленіи наказанія, — и отзывъ подсудимыхъ Безмѣновыхъ, палата приговоръ окружнаго суда утвердила, оставивъ апелляціонные протестъ и отзывъ безъ послѣдствій.

Послѣ краткой рѣчи товарища прокурора судебной палаты с. с. А. И. Иванова, въ которой онъ поддерживалъ апелляціонный протестъ, говорилъ защитникъ Ивана Безмѣнова Я. В. Абрамовъ.

Речь г. Абрамова. По отношенію къ протесту товарища прокурора достаточнымъ является указаніе на то обстоятельство, что онъ противорѣчитъ ст. 858 уст. уг. суд. Товарищъ прокурора въ своемъ протестѣ находитъ неправильнымъ лишь назначеніе судомъ извѣстной мѣры наказанія. Между тѣмъ, какъ видно изъ протокола засѣданія окружнаго суда, товарищъ прокурора просилъ «приговорить подсудимыхъ по 271 ст. ул. о нак. къ тюремному заключенію на срокъ по усмотрѣнію суда». Судъ, вполне согласно съ этимъ заключеніемъ товарища прокурора, призналъ Безмѣновыхъ виновными по 271 ст. улож. и избралъ нормальнымъ наказаніемъ одно изъ указанныхъ въ этой статьѣ наказаній, а именно — заключеніе въ тюрьму на срокъ отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Если затѣмъ судъ, руководствуясь 134 и 135 ст. улож., нашелъ справедливымъ понизить признанное имъ нормальнымъ по дѣлу наказаніе на одну степень, въ виду раздраженнаго состоянія подсудимыхъ, то въ такомъ пониженіи наказанія, какъ предоставленномъ судомъ закономъ, отнюдь не заключается никакого нарушенія. Такъ какъ товарищъ прокурора предоставлялъ выборъ наказанія усмотрѣнію суда и только находилъ справедливымъ, чтобы оно было однимъ изъ указанныхъ въ ст. 271 улож. и не превышало тюремнаго заключенія, то въ виду того, что приговоръ суда не отступилъ отъ этихъ требованій, товарищъ прокурора и потерялъ право протеста по настоящему дѣлу. Въ такомъ именно смыслѣ высказался и уголовный кассационный департаментъ правительствующаго сената въ рѣшеніи по дѣлу Григорія Жука 1870 года № 1215. Переходя затѣмъ къ приговору окружнаго суда насколько онъ касается Ивана Безмѣнова, я прежде всего позволю себѣ указать на нѣкоторую предвзятость взгляда на данное дѣло, съ которою окружный судъ приступилъ къ его разсмотрѣнію и которая сквозитъ въ большей части приговора суда. Эта предвзятость особенно наглядно проявляется въ томъ мѣстѣ приговора, въ которомъ говорится о преднамѣренности совершения Безмѣновыми дѣйствій, поставленныхъ имъ судомъ въ вину. И замокъ на воротахъ, казалось бы, представляющій столь естественное явленіе для усадьбы, стоящей одиноко въ степи, и необычный костюмъ Николая

Безмѣнова — череска, даже съ кинжаломъ на поясѣ, къ которому, кстати сказать, Николай Безмѣновъ, по единодушному удостовѣренію всѣхъ свидѣтелей, даже не прикасался во все время происшествія, и то, казалось бы, уже совсѣмъ невинное обстоятельство, что Иванъ Безмѣновъ при пріѣздѣ властей вышелъ изъ дому и стоялъ на своемъ дворѣ, — все это понадобилось суду для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что Безмѣновы знали о времени пріѣзда властей для продажи ихъ хлѣба, откуда дѣлается выводъ, что они заранее приготовились къ оказанію сопротивленія. Вся эта аргументація совсѣмъ не нашла бы мѣста въ приговорѣ суда, если бы онъ отнесся къ дѣлу безъ предвзятаго взгляда, такъ какъ тогда онъ обратилъ бы вниманіе на имѣющійся въ дѣлѣ документъ, который категорически разрѣшаетъ вопросъ о томъ — знали-ли Безмѣновы или не знали о времени предстоящаго пріѣзда властей въ ихъ имѣніе, и разрѣшаетъ, къ счастью для Безмѣновыхъ, отрицательно. Это — объявленіе Владикавказскаго отдѣленія государственнаго банка о торгѣ на продажу хлѣба Безмѣновыхъ. Изъ этого объявленія видно, что продажа хлѣба съ торговъ была назначена на 15 августа, тогда какъ власти явились для производства продажи въ имѣніе Безмѣновыхъ лишь 22 августа. Такимъ образомъ, Безмѣновы никоимъ образомъ знать о прибытіи властей въ день 22 августа съ цѣлью продажи ихъ хлѣба не могли, и не могли, стало-быть, и приготовляться къ сопротивленію, почему и замокъ на воротахъ, и череска съ кинжаломъ, и стояніе Ивана Безмѣнова на собственномъ дворѣ никоимъ образомъ доказательствами этихъ приготовленій служить не могутъ.

Эта предвзятость взгляда суда замѣтна и въ другихъ частяхъ приговора. Наиболѣе активнымъ проявленіемъ сопротивленія, будто бы оказаннаго Безмѣновыми, является то обстоятельство, что они, какъ сказано въ приговорѣ, «отталкивали полицейскихъ служителей отъ воротъ и амбаровъ». Кого же, однако, изъ полицейскихъ служителей подсудимые отталкивали? Въ приговорѣ говорится, что одинъ изъ Безмѣновыхъ толкнулъ полицейскаго Лоскова, а другой — Козлитина. Нужно-ли думать, что въ этихъ дѣйствіяхъ противъ двухъ полицейскихъ и выразилось все упомянутое «отталкиваніе полицейскихъ служителей»? Въ дѣйствительности, оно такъ и есть. Но нигдѣ въ приговорѣ вы не встрѣтите ни малѣйшаго указанія на какое-либо другое лицо изъ полицейскихъ, подвергшееся насильственному дѣйствію со стороны Безмѣновыхъ, кромѣ названныхъ двухъ лицъ. Само собою разумѣется, если бы Безмѣновы толкнули еще какого-нибудь полицейскаго, объ этомъ было бы упомянуто и въ томъ протоколѣ, который былъ составленъ полиціей сейчасъ же послѣ происшествія, и въ показаніяхъ свидѣтелей. Между тѣмъ, въ приговорѣ суда говорится объ «отталкиваніи Безмѣновыми полицейскихъ служителей отъ воротъ и амбаровъ» въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и притомъ отдѣльно отъ указанія толчковъ, нанесенныхъ полицейскимъ Ласкову и Козлитину, такъ что тому, кто прочелъ или прослушалъ приговоръ, но не ознакомился съ протоколомъ засѣданія суда и протоколомъ предварительнаго слѣдствія, можетъ показаться, что, помимо толчковъ, нанесенныхъ подсудимыми Ласкову и Козлитину, Безмѣновы толкали и другихъ полицейскихъ и притомъ многихъ.

Только тою же предвзятостью можно объяснить обвиненіе Ивана Безмѣнова въ дѣяніи, котораго онъ совсѣмъ не совершалъ. Наиболѣе

рѣскимъ или, вѣрнѣе, единственнымъ проявленіемъ сопротивленія властямъ, будто бы оказаннаго Иваномъ Безмѣновымъ, служить вышеупомянутый толчокъ, который якобы нанесъ Иванъ Безмѣновъ полицейскому Козлитину. Судъ приписалъ этотъ толчокъ Ивану Безмѣнову, основываясь единственно на показаніи самаго Козлитина. Между тѣмъ, другіе свидѣтели дали показанія, ясно указывающія на то, что Козлитинъ, очевидно, впервые видѣвшій обоихъ Безмѣновыхъ въ день происшествія, затѣмъ ко времени производства слѣдствія и суда смѣшалъ обоихъ братьевъ и приписалъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ Ивану Безмѣнову то, что, по удостовѣренію другихъ свидѣтелей, онъ тотчасъ послѣ происшествія приписывалъ Николаю Безмѣнову. Очевидно, приписываніе Ивану Безмѣнову дѣйствія, которое свидѣтели относятъ къ Николаю Безмѣнову, явилось результатомъ простаго недоразумѣнія, результатомъ смѣшенія Козлитинимъ личностей двухъ братьевъ Безмѣновыхъ. Это недоразумѣніе окружному суду было тѣмъ легче выяснитъ, что въ его распоряженіи, помимо упомянутыхъ показаній свидѣтелей Фіалковскаго и Ласкова, имѣлся еще находящійся при дѣлѣ протоколъ, составленный немедленно послѣ происшествія того же 22 августа 1899 г. въ имѣніи же Безмѣновыхъ помощникомъ исправника Прицкеромъ, и въ этотъ протоколъ прямо занесено, очевидно — со словъ самаго Козлитина, что толкалъ его Николай Безмѣновъ, а отнюдь не Иванъ.

Съ устраненіемъ обвиненія Ивана Безмѣнова въ нанесеніи толчка полицейскому Козлитину, падаетъ и вообще обвиненіе его въ сопротивленіи властямъ, которое судъ въ своемъ приговорѣ называетъ «активнымъ сопротивленіемъ, сопровождавшимся явно насильственными дѣйствіями». Никакихъ другихъ, не только насильственныхъ, но и вообще активныхъ дѣйствій, совершенныхъ Иваномъ Безмѣновымъ, въ которыхъ можно было бы видѣть сопротивленіе, приговоръ суда не указываетъ, что и понятно, такъ какъ никто изъ свидѣтелей о такихъ дѣйствіяхъ Ивана не упоминалъ. Напротивъ, свидѣтели, наименѣе принимавшіе участіе въ происшествіи 22 августа, остававшіеся спокойными зрителями и потому болѣе цѣнные для выясненія истины, чиновникъ государственнаго банка Яхонтовъ, судебный приставъ Васильевъ и волостной старшина Нѣшта, прямо отмѣчаютъ въ своихъ показаніяхъ, что Иванъ Безмѣновъ участія въ противодѣйствіи полиціи не принималъ. Правда, судъ въ своемъ приговорѣ считаетъ проявленіемъ сопротивленія властямъ и то обстоятельство, что подсудимые Безмѣновы отказались отпереть замки на воротахъ, ведущихъ во дворъ, и на амбарахъ, гдѣ хранился хлѣбъ. Но ни наши уголовные законы, ни ихъ толкованія высшей кассационной инстанціей не даютъ ни малѣйшаго права видѣть сопротивленіе не въ какихъ-либо активныхъ дѣйствіяхъ, а въ отказѣ исполнить чье-либо требованіе. Здѣсь если и могло имѣть мѣсто предъявленіе какого-либо обвиненія, то лишь исключительно въ неисполненіи законныхъ требованій власти. Однако, такое обвиненіе не было, да и не могло быть предъявлено по той, конечно, причинѣ, что тогда возникъ бы вопросъ о законности этихъ требованій, а то, чего требовали и что совершали власти въ имѣніи Безмѣновыхъ 22 августа 1899 г.—отобраніе и продажу имущества за несуществующій долгъ—ужь, очевидно, ни коимъ образомъ нельзя было бы признать законнымъ. Но изъ того, что обвиненіе въ неисполненіи требованій власти предъявлять было неудобно, конечно, не слѣдуетъ, чтобы отказъ въ от-

пираниі замковъ можно было разсматривать, какъ сопротивленіе властямъ.

Такимъ образомъ, повторяю, только предвзятость взгляда на происшествіе, послужившее поводомъ къ настоящему дѣлу, могла привести къ признанію Ивана Безмѣнова виновнымъ въ сопротивленіи властямъ. Никакихъ активныхъ дѣйствій, въ которыхъ только и можетъ выразиться сопротивленіе властямъ, Иванъ Безмѣновъ не совершалъ, и таковыя дѣйствія въ приговорѣ суда не указаны. Единственное активное дѣйствіе, приписанное Ивану Безмѣнову,—толчокъ, направленный противъ полицейскаго Козлитина, оказывается приписаннымъ Ивану Безмѣнову вслѣдствіе явнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе прямой ошибки. Обвиненіе въ сопротивленіи по отношенію къ Ивану Безмѣнову, такимъ образомъ, совершенно падаетъ.

Остается еще обвиненіе Ивана Безмѣнова въ оскорбленіи словами разныхъ лицъ, явившихся въ имѣніе Безмѣновыхъ 22 августа. Оскорбленіе это состояло въ томъ, что Иванъ Безмѣновъ, по словамъ приговора, называлъ всѣхъ должностныхъ лицъ разбойниками и грабителями, а волостного старшину и полицейскихъ дураками и ослиами. Чтобы понять истинное значеніе приписываемыхъ Ивану Безмѣнову оскорбительныхъ словъ, нужно взглянуть на происшествіе въ его цѣломъ.

Въ дѣлѣ имѣется цѣлый рядъ документовъ, содержаніе которыхъ неопровержимо устанавливаетъ тотъ фактъ, что должностныя лица, явившіяся 22 августа въ имѣніе Безмѣновыхъ продавать хлѣбъ и совершившія тамъ цѣлый рядъ по истинѣ выдающихся событій, никакого основанія къ такому образу дѣйствій не имѣли. Изъ этихъ документовъ видно, что заложенный въ 1894 г. во Владикавказскомъ отдѣленіи государственнаго банка хлѣбъ въ свое время изъ имѣнія Безмѣновыхъ, по требованію отдѣленія и его разрѣшительнымъ свидѣтельствомъ былъ вывезенъ въ Новороссійскъ въ количествѣ даже большемъ противъ того, какое было заложено; что онъ былъ проданъ тамъ безъ участія Безмѣновыхъ, распоряженіями отдѣленія; что вырученныя отъ продажи этого хлѣба деньги поступили во Владикавказское отдѣленіе государственнаго банка; что деньги эти полностью покрыли долгъ Безмѣновыхъ отдѣленію и даже оказался значительный излишекъ противъ долга, до сихъ поръ остающійся въ кассѣ отдѣленія. Судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе по обвиненію Безмѣновыхъ въ растратѣ, убѣдился изъ представленныхъ Безмѣновыми документовъ и изъ осмотра гражданскаго дѣла, возникшаго по иску Владикавказскаго отдѣленія къ Безмѣновымъ все о томъ же хлѣбѣ, что Безмѣновы весь свой долгъ отдѣленію банка уплатили, что между ними и банкомъ всѣ счета покончены и что въ имѣніи Безмѣновыхъ не осталось ни зерна хлѣба, заложенаго банку, вслѣдствіе чего и представилъ дѣло о небывалой растратѣ Безмѣновыми хлѣба къ прекращенію, и Ставропольскій окружный судъ это постановленіе слѣдователя утвердилъ. Точно такъ же и гражданское дѣло, возникшее по иску отдѣленія банка къ Безмѣновымъ, окончилось въ пользу Безмѣновыхъ, такъ какъ Ставропольскій окружный судъ призналъ, что всѣ отношенія Безмѣновыхъ къ отдѣленію банка по залогу хлѣба окончены и они весь свой долгъ банку уплатили. И вотъ, отдѣленіе банка, потерпѣвъ неудачу въ уголовномъ судѣ и въ то самое время, когда по иску его о будто бы заложеномъ хлѣбѣ производилось дѣло въ гражданскомъ судѣ, обращается за содѣй-

ствіемъ къ полиціи, и полиція, вопреки ст. 238 уст. гр. суд., казалось бы исключавшей всякую возможность примѣненія административныхъ распоряженій по дѣлу, находящемуся въ производствѣ суда, захватываетъ хлѣбъ, принадлежащій Безмѣновымъ, хлѣбъ, къ которому отдѣленіе не имѣетъ уже ни малѣйшаго отношенія, а хлѣбъ этотъ, о которомъ еще идетъ судебный споръ, продается съ публичнаго торга. При этомъ нельзя не отмѣтить въ высшей степени характернаго обстоятельства: въ амбарахъ Безмѣновыхъ, послѣ взлома на нихъ замковъ, были найдены, какъ это видно изъ журнала судебного пристава Васильева, ведшаго продажу хлѣба, исключительно яровые хлѣба: гирка, кубанка, ячмень, суржа, сурепка, лець, а заложена была въ свое время, какъ видно изъ осмотра гражданскаго дѣла, исключительно озимая пшеница. Такимъ образомъ, у Безмѣновыхъ было отобрано и продано за несуществующій долгъ принадлежащее имъ имущество, не только свободное отъ какихъ-либо отношеній къ отдѣленію банка, но даже по самому роду своему совсѣмъ не то, какое когда-то было заложено банку. Что оставалось дѣлать Безмѣновымъ при такомъ безпричинномъ и незаконномъ лишеніи ихъ принадлежащаго имъ имущества? Когда въ первый разъ полиція въ лицѣ становаго пристава Фіалковскаго явилась къ нимъ съ чиновникомъ банка описывать и продавать незаложенный банку хлѣбъ, они предъявили Фіалковскому копію съ постановленія судебного слѣдователя о прекращеніи слѣдствія по обвиненію Безмѣновыхъ въ растратѣ. Это указаніе на рѣшеніе компетентной судебной власти оказалось дѣйствительнымъ, и въ этотъ разъ Безмѣновы спасли свое имущество отъ захвата и продажи. Когда снова явилась полиція, уже въ чрезвычайно усиленномъ составѣ (однихъ полицейскихъ, по показаніямъ свидѣтелей, было до 30 человекъ), отбирать принадлежащее имъ, Безмѣновымъ, имущество и продавать его за несуществующій долгъ,—Безмѣновы снова обратились къ прежнему средству, но оно уже не подѣйствовало: полиція пожелала во что бы то ни стало продать хлѣбъ Безмѣновыхъ. И вотъ тогда-то Иванъ Безмѣновъ обращается къ послѣднему, бывшему въ его распоряженіи средству, обращается къ защитѣ закона. Онъ выноситъ изъ дома «Уложеніе о наказаніяхъ» и начинаетъ во всеуслышаніе читать статьи, относящіяся къ грабежу и разбою. Можетъ быть, Иванъ Безмѣновъ былъ слишкомъ наивенъ, но, вѣдь, это было единственное средство, къ которому онъ могъ прибѣгнуть для защиты своей собственности и самого себя. Данный эпизодъ вмѣстѣ съ тѣмъ ясно показываетъ, до какой степени невозможно примѣнять понятіе о «сопротивленіи» къ поведенію Ивана Безмѣнова 22-го августа. Сопротивляются оружіемъ, кулаками, что-ли, а Иванъ Безмѣновъ считалъ возможнымъ сопротивляться только однимъ способомъ—обращеніемъ вниманія лицъ, отбиравшихъ его имущество, на законныя послѣдствія ихъ незаконныхъ дѣйствій. Въ отвѣтъ на ссылки на законъ, Ивана Безмѣнова хватаютъ и отнимаютъ у него книгу, но онъ продолжаетъ цитировать уложеніе и напоминаетъ должностнымъ лицамъ послѣдствія ихъ образа дѣйствій, указанныя въ уложеніи, и эти-то ссылки на статьи уложенія, ссылки на законъ затѣмъ ставятся Ивану Безмѣнову въ вину и тракуются, какъ оскорбленіе должностныхъ лицъ. Можетъ быть, Иванъ Безмѣновъ былъ неправъ въ томъ, что признавалъ дѣйствія лицъ, хотя бы и должностныхъ, направленные къ тому, чтобы безъ всякаго повода отобрать отъ него имущество,—грабежомъ и разбоемъ;

можетъ быть, обывательская точка зрѣнія, которая только и можетъ видѣть въ такихъ дѣйствіяхъ грабежъ и разбой, и невѣрна; но отсюда не слѣдуетъ, что ссылки на статьи уложенія, хотя бы и трактующія о грабежѣ и разбоѣ, являлись оскорбительными для должностныхъ лицъ.

Наконецъ, Иванъ Безмѣновъ обвиняется еще въ томъ, что онъ назвалъ крестьянъ, сельскихъ полицейскихъ, дураками и ослими. Весьма возможно, что это такъ и было. Напомню палатѣ, что по показанію свидѣтелей, руки у Ивана Безмѣнова оказались послѣ происшествія въ крови, что его все время, пока ломали замки и измѣряли хлѣбъ въ амбарахъ, держали четверо полицейскихъ, держали и давили, по словамъ свидѣтелей, такъ «крѣпко», что онъ кричалъ такъ, что въ третьей колонкѣ было слышно (очевидно, держали дѣйствительно «крѣпко»). Неудивительно, если Иванъ Безмѣновъ и назвалъ державшихъ и давившихъ его полицейскихъ дураками и ослими. Но почему нужно непременно полагать, что это было сказано съ цѣлью оскорбленія, а не съ цѣлью заставить держать себя не такъ ужъ «крѣпко»? Притомъ нужно принять во вниманіе еще и отношеніе Безмѣновыхъ къ крестьянамъ, исполнявшимъ обязанности полицейскихъ, наглядно проявившееся послѣ происшествія. Свидѣтели удостоуверили на судѣ, что когда начальники уѣхали послѣ происшествія на хуторъ Глуценко закусывать, то полицейскіе приходили къ Безмѣновымъ и просили дать имъ хлѣба, говоря, что они голодные, и Безмѣновы накормили всю эту армію полицейскихъ. При такомъ отношеніи Безмѣновыхъ къ полицейскимъ,—отношеніи, свидѣтельствующемъ о полномъ отсутствіи озлобленія у Безмѣновыхъ противъ полицейскихъ, какая-нибудь фраза въ родѣ: «легче, дураки, а то задушите», можетъ быть признана оскорбленіемъ сельскихъ полицейскихъ только съ величайшей натяжкой, которая едва-ли нужна для правосудія.

Въ заключеніе, я позволю себѣ просить палату обратить вниманіе на слѣдующее. Какъ устанавливается точными документальными данными, уже трижды разсматривавшимися судебными властями, у Безмѣновыхъ проданъ съ торговъ хлѣбъ, никогда въ залогъ государственнаго банка не бывшій, проданъ на погашеніе уже давно погашеннаго долга, проданъ при очевидности для всѣхъ принимавшихъ участіе въ дѣлѣ того факта, что Безмѣновы съ банкомъ разсчитались и ничего ему не должны и что продается хлѣбъ не только не бывшій въ залогъ у банка, но даже другого рода, нежели тотъ, какой когда-то былъ заложенъ; проданъ, наконецъ, при условіяхъ, при которыхъ продажа эта является истиннымъ разореніемъ для хозяевъ продаваемаго хлѣба и насмѣшкою надъ торгами: нѣкоторые виды яровой пшеницы пошли по 11, 7 и даже 3 коп. за пудъ, какъ это видно изъ журнала судебного пристава Васильева, производившаго продажу хлѣба Безмѣновыхъ. По отношенію къ моему кліенту, пытавшемуся защитить свою собственность вполнѣ законными средствами, какъ ссылка на постановленія судебныхъ мѣстъ и указанія на статьи уложенія о наказаніяхъ, были приняты такого рода мѣры, которыя ставляли его кричать такъ, что было слышно за три поселенія, и въ результатѣ которыхъ у моего кліента оказались окровавленные руки. Теперь, наконецъ, ему угрожаетъ еще и уголовное наказаніе. Не слишкомъ-ли много всего этого за разъ? Не довольно-ли того, что Иванъ Безмѣновъ лишился безпричинно и незаконно своего имущества и что онъ при этомъ серьезно пострадалъ физически и нравственно?

Я прошу палату только объ одномъ—о правосудіи, которое не можетъ не быть на сторонѣ тѣхъ, у кого незаконно отнято имущество и чья личность подверглась насилію. Ходатайствую о полномъ оправданіи Ивана Безмѣнова.

Речь Н. Безмѣнова. «Обвиненіе ставить намъ въ вину, что 22-го августа 1899 г. нами было оказано сопротивленіе должностнымъ лицамъ, прибывшимъ къ намъ на хуторъ для продажи, на основаніи 107 ст. уст. государственнаго банка, заложеннаго Владикавказскому отдѣленію этого банка зерна на 12,000 руб., причемъ мы нанесли этимъ должностнымъ лицамъ оскорбленіе словами и дѣйствіемъ. Поэтому обвиненіе требуетъ для насъ кары, какъ для лицъ, совершившихъ преступленіе противъ порядка управленія. Обвиненіе—тяжелое и, смѣю думать, его нужно ставить вообще съ большой осмотрительностью и осторожностью. Первымъ возраженіемъ противъ поставленнаго обвиненія должно быть освѣщеніе вопроса: умѣстно-ли обвиненію ссылаться на ст. 107 уст. гос. банка? По точному смыслу этой статьи, просроченные, но невыкупленные залоги продаются распоряженіемъ банка при правленіи съ аукціоннаго торга: однако, 107 ст. не даетъ агентамъ права употреблять при продажѣ силу; статья же 8 того же устава ясно говоритъ, что въ случаѣ отрицанія заемщикомъ существованія залога, составляется протоколъ, который и направляется въ судъ установленнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, даже при существованіи между заемщикомъ и банкомъ залоговыхъ отношеній, ст. 107 не даетъ законнаго права штурмомъ добывать предметы залога. Но въ данномъ случаѣ вопросъ усложняется тѣмъ, что въ дѣйствительности не существовало ни долга, ни залога. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ видно, что заложенный банку хлѣбъ, съ его же разрѣшенія, былъ вывезенъ въ Новороссійскій элеваторъ и тамъ проданъ съ громаднымъ убыткомъ для насъ. Банку было уплачено нами 49,864 руб. 55 коп., вмѣсто означенныхъ въ залоговыхъ обязательствахъ 48,224 руб. Ясно, слѣдовательно, что на нашемъ хуторѣ не было заложеннаго банку хлѣба, а потому ни самъ банкъ, ни остальные участники погрома на нашемъ хуторѣ не имѣли ни права, ни основанія руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ 107 ст. Крайне удивительно, что обвиненіе игнорировало фактъ ликвидаціи нашихъ отношеній съ банкомъ, но еще удивительнѣе, что отдѣленію и администраціи было извѣстно объ этой ликвидаціи еще задолго до 22 августа. Администраціи извѣстно было о ликвидаціи нашихъ отношеній съ банкомъ изъ постановленія судебного слѣдователя, утвержденного окружнымъ судомъ, по дѣлу по обвиненію насъ въ растратѣ заложеннаго отдѣленію зерна. Въ этомъ постановленіи значилось, что долгъ нашъ уплаченъ сполна и что отношенія наши ликвидированы. Эти документы переданы были мною исправнику Макаровскому и приставу Фіалковскому при ихъ предыдущихъ наѣздахъ на нашъ хуторъ. Въ юлѣ того же года я препроводилъ Ставропольскому губернатору генералу Никифоруки докладную записку, въ которой просилъ его оградить насъ на будущее время отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи по нашему дѣлу съ банкомъ, уже оконченному. Къ этой запискѣ было приложено и свидѣтельство суда о ликвидаціи нашихъ отношеній съ отдѣленіемъ. Г. губернаторъ положилъ на этой запискѣ резолюцію «Къ дѣлу» и, спустя нѣсколько дней послѣ этого, уѣхалъ въ отпускъ, передавъ управленіе губерніей г. Ключареву. Въ результатѣ

же, какъ видно изъ обвинительнаго акта, мнѣ ставится въ вину даже представленіе этихъ документовъ: тамъ сказано, «что я и раньше создавалъ затрудненія чинамъ полиціи, посылаемымъ для отобранія у насъ хлѣба». Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ показаній Прицкера, Фіалковскаго и Яхонтова, моя активная дѣятельность и тогда выражалась лишь въ томъ, что я уговаривалъ ихъ не совершать беззаконія и въ доказательство ликвидаціи отношеній съ банкомъ показывалъ имъ выше названные документы. Ясно, что всѣ участники незаконной продажи были въ курсѣ дѣла. То же показали они и на предварительномъ слѣдствіи, говоря, что прибыли продавать хлѣбъ на основаніи 107 ст.; на судебномъ же слѣдствіи тѣ же свидѣтели утверждали, что о ликвидаціи отношеній нашихъ съ отдѣленіемъ имъ ничего не было извѣстно, что они слышали только, будто хлѣбъ заложенъ. Не приходится ли послѣ этого удивляться, что полицейскій отрядъ громитъ хуторъ, а послѣ спокойно заявляется, что разгромъ произведенъ на основаніи лишь однихъ словъ?

«Перехожу къ служебнымъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ на нашемъ хуторѣ 22 августа 1899 г. Окружный судъ въ приговорѣ по нашему дѣлу отъ 10—11 іюня 1900 г. находитъ, что хотя заложеннаго отдѣленію хлѣба на нашемъ хуторѣ и не было, но все же дѣйствія Прицкера, Васильева, Яхонтова и остальныхъ чиновъ полиціи были законны; они будто находились при отправленіи обязанностей службы, такъ какъ имъ было предписано управляющимъ губерніей, управленіемъ отдѣленія банка и товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда отобрать и продать заложенный банку хлѣбъ. Съ такими соображеніями суда нельзя согласиться ни вообще, ни въ частности. Прошу палату обратить вниманіе на эти находящіеся при дѣлѣ три приказа: въ каждомъ изъ нихъ содержится категорическое указаніе на «заложенный отдѣленію хлѣбъ», но отнюдь не на всякій, какой удастся найти. Я придаю громадное значеніе выраженію приказовъ «заложенный хлѣбъ», которое налагало на исполнителей этихъ приказовъ обязанность держаться въ своихъ дѣйствіяхъ рамокъ строгой законности, но отнюдь не громить обывательской усадьбы.

«Съ чисто формальной стороны мнѣніе суда, высказанное имъ въ приговорѣ о служебныхъ дѣйствіяхъ Прицкера и др. и о сопротивленіи властямъ, несогласно съ установленными на сей предметъ законами. Насъ обвиняютъ въ преступленіи противъ порядка управленія. Но мнѣ кажется, что существующими законоположеніями въ достаточной мѣрѣ доказана неосновательность мнѣнія окружнаго суда, будто одно существованіе приказа, независимо его законности или незаконности, создаетъ для исполнителя его служебную должностную броню. Служебными и должностными дѣйствіями чиновниковъ будутъ лишь тѣ, которыя основаны на извѣстномъ законѣ; но никакъ не на произволѣ и личныхъ отношеніяхъ. И достоинство закона и правительства требуетъ отказаться отъ всякой солидарности съ чиновникомъ, законъ нарушившимъ, законъ забывшимъ. Такимъ образомъ, изъ приведеннаго непреложно явствуетъ, что въ данномъ дѣлѣ ничего общаго съ преступленіемъ противъ порядка управленія нѣтъ, ибо ни у г. Ключарева, ни у другихъ лицъ, давшихъ приказъ продать нашъ хлѣбъ, законодательной власти не имѣется и ни на какой положительный законъ приказъ не опирались. Поэтому, такъ какъ и ст. 107 уст. банка, единственная, за которую цѣплялись исполнители

приказовъ, отпала, то и нужно признать, что и чины полиціи, и всѣ участники продажи, съ насиліемъ ворвавшіеся въ нашъ дворъ безъ всякаго на то законнаго основанія, не могутъ разсматриваться какъ лица, находившіяся при исполненіи служебныхъ должностныхъ обязанностей, а потому и я не могъ совершить преступленія противъ порядка управленія».

Далѣе въ своей рѣчи Н. Безмѣновъ указалъ на противорѣчія двухъ протоколовъ, въ которыхъ описано событіе 22 августа. Въ протоколѣ помощника исправника Прицкера значитъ, что Безмѣновы оказали буйное сопротивленіе «кинжаломъ, палками и кулаками», тогда какъ въ протоколѣ судебного пристава Васильева нѣтъ и намека на что-либо подобное. По словамъ Васильева, Безмѣновы просили только не нарушать законовъ и указывали на полную ликвидацію отношеній съ отдѣленіемъ и на документы, подтверждающіе ихъ слова.

Сдѣлавъ подробную характеристику свидѣтельскихъ показаній, Н. Безмѣновъ просилъ судей «обратить вниманіе на противорѣчія въ показаніяхъ Прицкера. Прицкеръ на предварительномъ слѣдствіи заявилъ, что онъ предъявилъ Безмѣновымъ предписаніе управляющаго губерніей о продажѣ у нихъ хлѣба, а четыре свидѣтеля обвиненія подтвердили это, говоря, что предписаніе было предъявлено въ ихъ присутствіи. На судѣ же Прицкеръ заявилъ, что «предписаніе было забыто имъ въ Ставрополѣ и не предъявлялось Безмѣновымъ, а свидѣтели не могли объяснить, какъ они видѣли то, чего въ дѣйствительности не было».

«Далѣе. Всѣ свидѣтели обвиненія рассказывали, что я убѣждалъ ихъ не слушаться начальства и приводилъ въ примѣръ бунты въ селеніяхъ Новодмитріевскомъ и Михайловскомъ, гдѣ пострадали не дѣйствительные виновники бунтовъ, а низшіе полицейскіе и несчастные крестьяне, причѣмъ будто бы я назвалъ ихъ ослими и дураками за то, что они слушались. Судъ отвергъ это приписываемое мнѣ обращеніе, а между тѣмъ «за ослівъ и дураковъ» я подвергнутъ карѣ. Я смѣю думать, что разъ судомъ отвергнуто, какъ вздорное, обвиненіе меня въ возмущеніи подчиненныхъ, то несправедливо оставлять на мнѣ часть этого обвиненія, тѣсно связаннаго съ отвергнутымъ; разъ не было попытки возмутить подчиненныхъ, то, очевидно, не было и словъ «ослы и дураки», которыя будто бы я употреблялъ, уговаривая не слушаться начальства».

«Не важно то, кто изъ насъ, обвиняемыхъ, говорилъ что или дѣлалъ, а важно то, при какихъ обстоятельствахъ—физическихъ и моральныхъ—что происходило. Въ высшей степени характерны въ этомъ отношеніи однообразные рассказы свидѣтелей обвиненія, какъ по 4 человѣка одновременно держали cadaго изъ насъ, и образныя выраженія ихъ, какъ Безмѣновы до того «усиливались», что потъ лилъ съ нихъ градомъ. Еще важнѣе показанія свидѣтеля защиты, что крики «душать, задушили» были слышны за пять верстъ. Нужно вспомнить также показанія всѣхъ свидѣтелей, что «И. Безмѣновъ читалъ законъ, книгу уложенія». Сопоставьте, гг. судьи, съ этимъ показаніемъ Фіалковскаго, что я сказалъ въ это время брату: «братикъ, не мечи бисера предъ свиньями». Не служитъ-ли это яркимъ доказательствомъ, что мы все время стояли на законной почвѣ и что наши ссылки на законъ вызывали глумленіе со стороны полиціи, вслѣдствіе чего я и сдѣлалъ замѣчаніе, которымъ, по словамъ свидѣтелей обвиненія, хотѣлъ обидѣть полицію. На самомъ же дѣлѣ

я лишь указалъ брату, что лицамъ, законъ нарушающимъ, не стоитъ его читать,—это безцѣльно».

«Наконецъ, гг. судьи, возьмите такое положеніе: Безмѣновы уговариваютъ, читаютъ статьи закона о разбоѣ и грабежѣ, ихъ схватываютъ, вырываютъ книгу, душать, тискаютъ... Неужели и при такихъ обстоятельствахъ имъ можно было оставаться пассивными? Братъ, слабый физически, выражалъ свой протестъ противъ насилія словами—«душать, грабятъ»; я же, не обиженный силой, освобождалъ себя каждый разъ самъ. Но нельзя освободиться отъ насилія безъ нѣкотораго физическаго напряженія, и вотъ здѣсь-то и имѣли мѣсто толчки, конечно, не съ цѣлью кого-либо оскорбить, а чтобы возвратить себѣ незаконно отнятую свободу».

«Теперь о выраженіяхъ разбойники, грабители, атаманъ разбойниковъ. Изъ дѣла видно, что мы обяснили прибывшимъ на нашъ хуторъ характеръ ихъ незаконныхъ дѣйствій, именуемыхъ въ уложеніи «грабежомъ и разбоемъ». Когда насъ стали мять и душить, кто-то вырвалъ у брата книгу уложенія. Конечно, по ассоціаціи идей, ссылка на статьи уложенія продолжалась, но уже безъ книги и въ невозможномъ физическомъ положеніи. Голосъ, слова и цѣлыя фразы прерывались въ то время, когда нападающіе начинали насъ сильно мять. Въ это время фактъ, предусмотрѣнный ст. 1627—1637, перешелъ въ дѣйствительность. Поэтому, съ моей стороны было совершенно закономерно сказать Прицкеру: «Что вы дѣлаете? Вы ведете себя, какъ атаманъ шайки разбойниковъ». Другимъ же я могъ сказать: «Вы поступаете, какъ разбойники». Въ эти моменты стоялъ такой шумъ отъ сотни голосовъ, что, понятно, отдѣльныя фразы терялись въ общемъ шумѣ. Ухо улавливало только главное; второстепенное же, тѣсно съ нимъ связанное, ускользало отъ слуха, вслѣдствіе чего и извращался самый смыслъ нашихъ словъ. Я увѣренъ, что ссылка на законъ, да еще и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ это было 22 августа, не можетъ быть признана за брань, а лишь являлась опредѣленіемъ совершающагося, по признакамъ улож. о наказ.»

«Все приведенное даетъ мнѣ законное право просить палату признать, что 22 августа я находился въ состояніи самообороны, допускаемой ст. 101 улож., которая не дѣлаетъ исключенія для нападающаго, кто бы онъ ни былъ—частное или должностное лицо, но незаконно чинящее нападеніе».

Въ заключеніе, Н. Безмѣновъ просилъ палату объ оправданіи его. Приговоръ палаты извѣстенъ.